

Ж 597
120

P 965 117

ТОШИНА КОЛЕВА,

ИЛИ

ЖИВОТЪ ЦРНЯЦА

У

СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

І. СВЕЗСКА

 ЈОШЪ ТРАЋ ПРЕДПЛАТА

НА

ЧИЧА ТОМИНУ КОЛЕБУ,

ИЛИ

**ЖИВОТЪ ЦРНЯЦА У СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКИМЪ
ДРЖАВАМА**

ОДЪ

ХАРРИЕТЕ БЕЕХЕРЪ СТОВЕ.

Јошъ до данасъ ни едно дѣло у књижевномъ свету ни е тако велико упечатленѣ на просвѣштено човечество, као ово најновнѣ подъ именомъ: „*Чича Томина Колеба*“ учинило. Зато га праведно и называю Енглези: „*Изванредно по-явленѣ у књижеству; Чудовиште нашегъ времена; Право чудо, да данасъ нечувено!*“ еръ веле: „*Да нема шого човека, кои бы тако сувопарны' мыслии было, а да се не бы при чишаню овогъ дѣла разпало; да нема тако шврда срца, коє се не бы у унутрашньости своіой шронуло и поширело; да нема ока, коє не бы при чишаню просузило;*“ Укратко ово е дѣло тако пуно чудесны' повѣстїи, какво до сада ни едно написано было ни е; а при томе тако пуно живости и истине, пуно любви къ човечеству и под-ярмлѣной части истогъ, да кадъ га човекъ већъ почне да чита, одъ књиге се не може да разстави.

У Америки е ово дѣло за 1/4 дана у десетъ издания препечатано было, а за 3 не пуна месеца продано е у Лондону 150,000 екземплара.

Да бы и я мою браћу Србе са овако славнимъ дѣломъ обрадовао, поитао самъ, и исто посрбно.

А да бы и најсиромашнии Србинъ ово важно дѣло имати мого; разделно самъ га на 6. свезски. Свакогъ ће месеца излазити по една свезска одъ 7. табака, са принадлежимъ дѣлу овомъ образима.

P 965

УНИВ. БИБЛИОТЕКА

И. Бр. 18896

ЧИЧА-ТОМИНА КОЛЕБА,

или

ЖИВОТЪ ЦРНЯЦА

у

СЪВЕРО - АМЕРИКАНСКИМЪ РОБ-
СКИМЪ ДРЖАВАМА

по

Г. Харриетти Беехеръ Стовѣ,

ПОСРБИО

МИЛАНЪ Д. РАШИЦЪ.

СВЕЗСКА I ва.

У БЕЧУ.

ПЕЧАТАНО У ЂРМЕНСКОМЪ МАНАСТИРУ.

1853.

Болъ гробъ,
Него робъ.

БЛАГОПОЧТЕНОРОДНОМУ
ГОСПОДАРЮ, ГОСПОДАРЮ,
ИВАНУ НИКОЛАЕВИЧУ

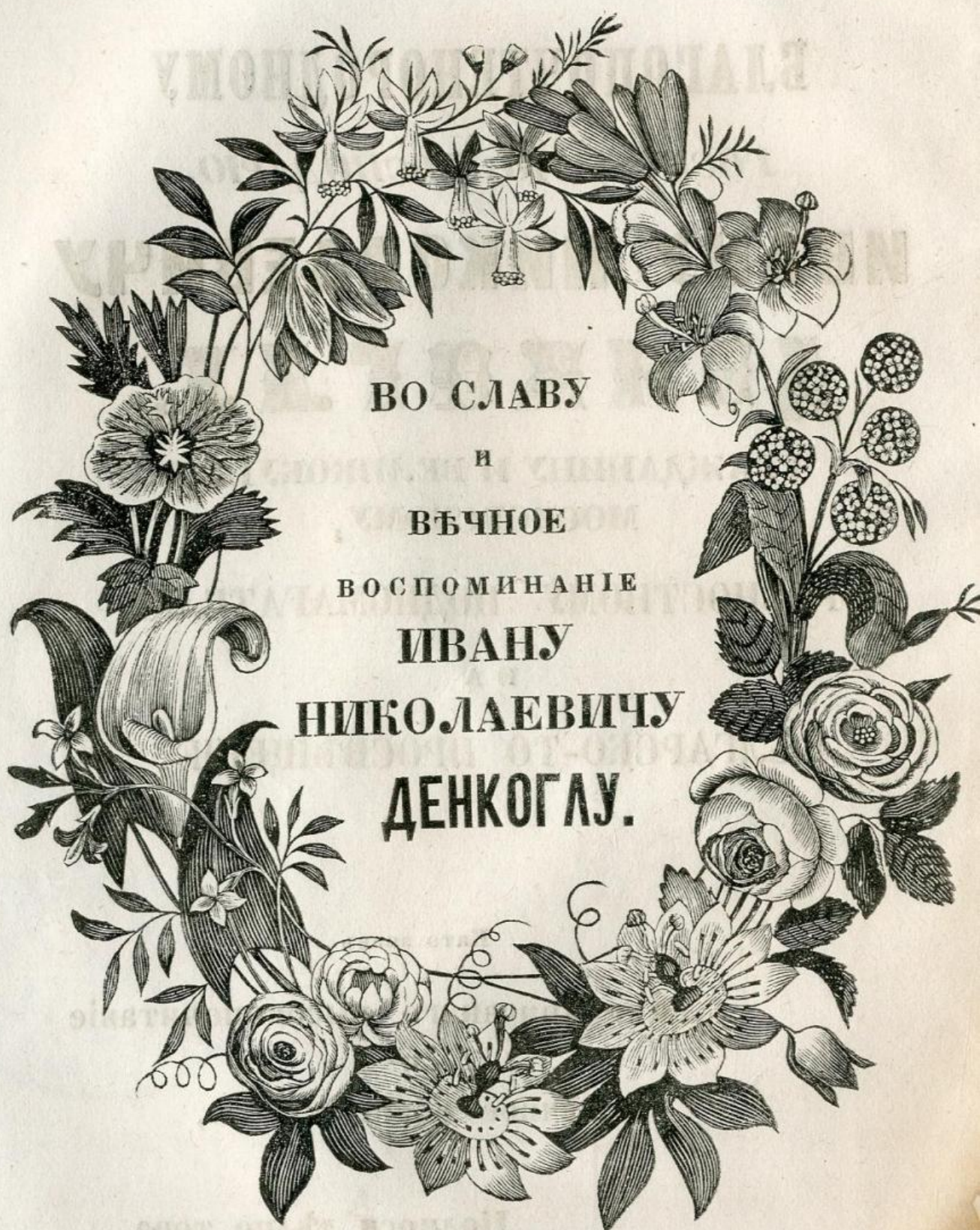
Д Е Ж Ж В Р Л У,

ГРАЖДАНИНУ И ВЕЛИКОКУПЦУ
МОСКОВСКОМУ,
РЕВНОСТНОМУ ПОДПОМАГАТЕЛЮ
Н А
БЪЛГАРСКО-ТО ПРОСВѢЩЕНІЕ,

Като знакъ ,
на подписаного высокопочитаніе
и
вѣчное воспоминаніе ,

Подноси дѣлцо това,

Миланъ Д. Рашићъ.

ВО СЛАВУ
и
ВѢЧНОЕ
ВОСПОМИНАНІЕ
ИВАНУ
НИКОЛАЕВИЧУ
ДЕНКОГЛУ.

Ваша Милость!

Още на лѣто-то 1849, кога ся азъ намѣрихъ въ Цариградъ - тѣ, бѣхъ щастливъ Ваша-та Милость не тѣкмо лично да познавамъ, но що помного разбрахъ и за Ваши-те добри и благородни дѣла, кои-то правите на отечество-то си. Ето градъ Софія, Ваше-то мѣсто на рождене, може найдобрѣ това да засвидѣтелствува, какви-то сирѣчь добрини презъ всяко лѣто на училищата правите, както и това, да всегда одного питомца отъ Българія съ Ваше-то щедро иждивене въ Россія за да ся съ науки-те напои, испроваждате. О! кога бы Господъ подарилъ таквизи по много благодѣтели; то бы ся тогава бѣдна-та Българія твърдѣ скоро отъ дълбокій-атъ си сънъ събуждила и по думы-те на св. Писаніе облекла въ оръжіе на свѣтъ-тѣ.

Понеже не имѣхъ до нынѣ случ-
ка, съ какво нѣщо, да Вы изявимъ до-
стойное уваженіе къмъ Ваши-те вы-
соки и благородни дѣла; азъ взехъ смѣ-
лость-та на Ваша-та Милость тази прѣва
Связска да посвятимъ, както знакъ на
мое-то высокопочитаніе на така го-
лѣмъ благодѣтель и спомоществова-
тель на отечество-то въ надежда, да
ще сѣще Ваша-та Милость съ онази
любовь да приемне, съ коя-то азъ под-
носимъ.

Приемните това за сега отъ мене,
а потомство ще Вы и по много да ся
възблагодари. Съ особено почитаніе
пребждж

на Ваша-та Милость,

за всегда

на служба-та готовъ,

Миланъ Д. Рашићъ.

Во Виена

на 15. Марта 1853 лѣто.

Милостивый Государь!

Еще въ 1849 году находясь въ Константинополѣ я имѣлъ щастіе не только лично упознать Васъ, но и слышать о Вашихъ добрыхъ, благородныхъ и высокихъ дѣлахъ въ пользу отечества Вашего и бѣднаго народа Болгарскаго. Городъ Софія, мѣсто рожденія Вашего свидѣтельствуеъ о томъ наиболѣе; о томъ говорятъ Болгарскія народныя школы, о томъ повѣствуютъ питомцы посылаемые на Ваше иждивеніе въ Россію для образованія. — О когда бы болѣе имѣлъ народъ Болгарскій такихъ благодѣтелей! скорѣе бы пробудился онъ отъ своего глубокаго сна и облекся по слову писанія, во оружіе свѣта.

Не имѣвъ случая до селѣ изъвить Вамъ чѣмъ либо достойнаго уваженія къ высокимъ дѣламъ Вашимъ я принимаю смѣлость посвятить Вамъ первую часть перевода

ПОСЛОН

УНИВЕРСИТЕТЪ СЛАВЯНСКО-БЪЛГАРСКИ

Михаилова Вукадиновича

моего: Хижини Дяди Оомы, чтобъ по крайнѣй мѣрѣ въ предисловіи къ этому дѣлу показать свѣту благія дѣла Ваши въ ползу народа Славянскаго.

Примите высокій и щедрый покровитель угнѣтенныхъ братій подносимое мною Вамъ дѣло, какъ знакъ моего глубочайшаго къ Вамъ уваженія, примите съ тоюже любовію съ какою оно Вамъ и подносится.

Съ истиннымъ почтеніемъ и глубокою преданностію имѣю честь быть,

Милостиваго Государя,

покорный слуга,

Миланъ Д. Рашикъ.

Вѣна,

Марта 15. дня

1853. года.

У В О Д Ъ.

Оно гадно и срамно станѣ човека, — у комъ онѣ одѣ самогъ Бога даровано му право на свою личность губи тако, да другій нѣму раванѣ съ нѣмѣ, као са своимѣ иманѣмѣ раз-полаже и господари — мложина є Списателя доволно сѣйне свое дарове на то обратила и изѣ политичныѣ узрока исто бранила; бранила оно станѣ, кое моралѣ (нравствена наука) одбацує, а то є: „Робство,“ па было ово на-силіємѣ или уговоромѣ.

Вопросѣ о робству стоструко се тиче у свима отношеніямѣ Сединѣныѣ Државаѣ и нѣныѣ граѣана. Вопросѣ є оваѣ найвеѣій и най-тежій задатакѣ за сѣверо-американске народе постао и нѣгово рѣшеніє мирнимѣ начиномѣ одѣ дана на данѣ све теже бѣва, єдно зато; што се Црнѣцы умложавая, а друго зато, што ни є никако могуѣно, да се она Сказска одѣ тако грдногѣ мложества людіи прѣтаи, кою су му методистични проповѣдницы у главу уліили, а та є: *да су испрѣа сви люди цр-ни были и шо донде, докѣ ни є Богѣ Каина збогѣ шого, што є браша свога Авеля убио, на одговорѣ позѣвао, кои да є одѣ сѣраѣа по-бледио, одѣ когѣ времена да су сви Каиновѣ потомцы беле кожне боє постали, а Авельовѣ црне остали.* —

Онай, коме бы за рукомъ испало да овай задатакъ рѣши, држао бы се за већегъ благо-дѣтеля отечества свога и одъ самогъ Васингтона.

Сединенѣ дели се на два велика одѣ-леня, на „слободне“ државе и такве, коє ро-бове држе. Рѣка Охио и у обште одъ прилике 39ій степенѣ ширине сачинява границу.

Ако се посмотри вопросъ о робству от-носително на оне државе, коє робове држе, то онда треба да признамо, да є истый во-просъ такође и вопросъ нѣиногъ суштество-ваня, кадъ се са свию страна зрело премери, па да се управъ збогъ тога на брзу руку рѣ-шити неможе.

Робство є безъ сваке препирке осу-дително и ратуюће утицанѣ у божественне и нравственне законе; оно се такође и са Християнствомъ не слаже, єрѣ разумомъ об-даренога, дакле способногъ за извршаванѣ свогъ опредѣлен'я на земљи, човека, оногъ га одъ Бога му даногъ избора, да разликує до-бро одъ зла, по већой части лишава и ставля га исподъ достоинства нѣговогъ као иманѣ какво безъ сваке волѣ и желѣ подъ власть другога.

Прве робове Црняца довео є у Бостонѣ 1645 године єданѣ грађанинѣ истогъ града; 1670. год. донео є холандскій капетанѣ 20 робова на брою и продао у Виргиніи; 1671 год. донешени су робови изѣ Барбадоса у Юж-

ну-Каролину, а исте године дозволило се закономъ увозъ робова и т. д. Више су пута законодателне Скупштине тадашњи британскіи населбина увозъ робова изъ Африке, кои имъ се шкакљивъ быти видео, предохранявале и кадъ се истый (увозъ) збогъ грдногъ уплива оны у колико безчувственны, у толико користолюбивы британскіи трговаца у Парламенту ни є мого сасвимъ да обустави, и пакъ се у колико є само могуће было повишенѣмъ увозне царине тежило, да препети. За доказателство овогъ умышляя забраниле су независиме поставше државе трговину съ роблѣмъ одма после оногъ за слободу рата, а у Виргиніи іошъ траявшу истомъ, сирѣчь 1778 године.

Ево какве основе наводе они, кои робство извинюю: *С. К. Миллеръ и М. Дуфиє*, Управительи (Гувернери) Южне-Каролине веле: „Робство ни є никакво зло, веѣъ благодѣяніє, оно се свуда у овомъ ил' ономъ виду налази, и кадъ се философично узме да рассуди, не пыша се да л' є оно своєвольно, или присилѣно; оно є шекъ за праву слободу Бєлы' необходимо нужно.“ Но што се страстности и суровости тиче, буду ова господа заключеніяма оба дома законодателне Скупштине, оне, у многостручномъ призрѣню обезчешѣне, Државе *Георгиє* надмашени, почемъ она опредѣли 1831. год. уцену одъ 5000 Долара (10,000 фр. ср.) за главу Учредника новина, (*the Liberator*) кое су Новине у Бо-

стону излазиле, трубеѣи за ослобоѣенѣ робова. *)

Слѣдуюѣе е опроврженѣ противу основа за робство одѣ *Райнала* у своіой филосо-фично — политичной Повѣстницы о притяжа-нияма и трговинѣ Европеяца у обе Индіе (Свез-ска VI. 11. кнѣига XXIV гл.), што се кра-снорѣчивости и Лоѣике тиче можда найпора-зителниѣ, у колико се у овомѣ отношеніи пи-сало.

„Ил' сте люди или ѣаволи, па были вы кои му драго, одкуд' вы ваша злочинства према моіой независимости правомѣ надмоѣия можете да браните? Шта! зарѣ е онаѣ, кои ме оѣе своим' робомѣ да учини, невинѣ, слу-жеѣи се своимѣ правама? Ко е нѣима то преи-муѣство дао, да моя права могу да угуше и кѣ ѣутанію принуде? Я имамѣ право одѣ са-ме природе, мене да бранимѣ; а теби она оно право ни е дала, да мене нападашѣ: ако се ты опуномоѣенимѣ быти видишѣ, мене да утеснишѣ зато, што си ты снажнѣи и способ-нѣи одѣ мене, то онда немой да се ядашѣ и тужишѣ, кад' те я моіомѣ снажномѣ миши-цомѣ счепамѣ, прса ти разтргнемѣ да ти срце изчупамѣ; нетужи се кад' смртѣ у разтрг-нутой ти утробѣ осетишѣ, кою самѣ ти я твоим' ранѣѣим' средствама нанео. Да л' самѣ ячѣй ил' способнѣи одѣ тебе; доста то, да е

*) Новинарѣ Ловеіой буде 15. Окт. 1837 у Ил-линоа убиѣнѣ, што е бранио робове и о нѣновом' ослобоѣеніи писао.

редъ на тебе, да жертвомъ постанешъ; по-
кай садъ твоя злоставляня, што си угнѣта-
тель быю.

Но, каже се, да е робство у свымъ земляма, и
у свакомъ столеѣу више или манѣ уведено было?

Я то вѣруемъ, но шта се мене тиче, шта
су други народи у преѣашнѣимъ временъма чи-
нили? Морамо лъ се на обычае времена, или
на свою савестъ позвати? Треба ли слухъ
нашъ себичности, слепости, варварству или
уму и правди да дамо? Кадъ бы общте упо-
требленѣ невиность ствари какве доказало,
то бы онда неправичной моги, освоюваня, и
сви родови утесненя похвално слово готово
было.

Но преѣашнѣи народи, каже се, држали
су се за господаре и самогъ живота своѣи ро-
бова, а мы, кои смо човечнѣи постали, мы за-
поведамо само надъ нѣиовомъ слободомъ и ра-
домъ.

Истина Богъ, напредакъ прѣва освестио
е новѣе законодавце што се ове важне точке
тиче и сви су се законодавцы безъ разлике
за одржанѣ човека, па и оногъ, кои е у роб-
ству, заузели.

Они зактеваю, да нѣговъ животъ подъ
заштитомъ началства стои, да само судови
овога границе опредѣле. Но да ли е овай за-
конъ, найсветѣи дружбенѣ уредба, игда како
такое дѣйствовао? Я васъ позывамъ, да ми
едногъ единогогъ таквогъ убицу именуєте, кога
е глава на губилишту. Но я ѣу случай да ме-

темъ, да су те уредбе, кое вамъ вашемъ мнѣнню у овомъ времену тако на честь служе, да су найстрожие наблюдаване. Да ли е робъ што садъ манѣ сажаленя достоянъ? Шта! незаповеда ли господаръ, кои са моимъ силама господари такође и са моимъ животомъ, кои одъ произволногъ и умереногъ употребленя моїи способностіи зависи? Шта помаже оное животъ, кои одъ нѣга ни е господаръ? Я мога роба не могу убити; но не могу ли крвѣ нѣгову капъ по капъ подъ бичемъ мучителя да проливамъ? Могу га киненѣмъ, радомъ, оскудицомъ оборити; могу му изворъ живота свакояко нападати и непримѣтно подкопати; могу лаганимъ мученѣмъ несрећно зачећенѣ у утробѣ робинѣ удавити. Могло бы се казати, да закони само зато роба одъ скоре смрти бране, како да мојой свирѣпости право остане, да га я изъ дана на данъ убияти могу. Ваистину, прѣво робства путъ е, како се могу сви могући пороци чинити — оне, кои притяжанѣ нападаю вы не даєте вашемъ робу право надъ своіомъ личношћу; оне, кои безбѣдность уништаваю, вы ѣи можете вашимъ ѣудима да пожертвуете; оне, кои стидливостъ поколебаваю! Моя се душа згрожава, кадъ само помыслимъ на све оне гадне случаеве. Я се гадимъ, я мрзимъ, избегавамъ родъ човеческій, ако се само изъ жертви и мучителя састої, и ако се непобольша, то нека се еданъ путъ за свагда ута-мани!

Но Црньцы су некій видъ людїи за робство рођени. Они су ограничены' способностїи, подмукли, пакостни; они и сами одобраваю превосходство нашег' разума и готово признаю пра́во нашег' господарства.

Црньцы су ограничены' способностїи, ерѣ робство сва побуђеня душе слаби. Они су пакостни, но према вами їошѣ довольно нису. Они су подмукли, ерѣ се не треба према свом' Тирану искрени да покажу. Они и сами признаю превосходство нашег' разума, ерѣ смо мы незнанѣ ньиово и право нашег' господарства, па и слабости ньиове злоупотребили. Онде гди є немогућно наше надмоћїе силомѣ да се докаже уплеће порочна политика свое лукавство; вами є готово за рукомѣ испало, да їи надговорите, да су они некій особытїи, за одбациванѣ, за подврженство, за радѣ, за строгость рођеный видъ людїи. Вы ништа промашили нисте, да ове кукавце непонизите, па онда имѣ пребацуете, да су подли.

Но ови су Црньцы были рођени робови?

Ком' оћете вы варвари то да кажете, да є человекѣ притяжанѣ другог'; Сынѣ н. пр. притяжанѣ свога отца; супруга притяжанѣ мужа; слуга притяжанѣ господара; Црняцѣ притяжанѣ населѣника? Гордо, презрительно сушество, кое браћу твою не ћешѣ да познаешѣ, зарѣ не ћешѣ никако да увидишѣ, да исто то презиранѣ на тебе пада? Ахѣ! кадѣ бы твой поносѣ благороданѣ быо, па да барѣ толико великодушанѣ будешѣ, да га на най-

нуждния отношения према несретницима, кое понижавашъ, употребишъ. Едног' общег' отца, безсмертну душу, будуще блаженство; то е твоя слава, но то е и нѣйова!

Но каже се, робъ се е самъ хтео да прода.

Ако онъ самомъ себи принадлежи, то онда има онъ право да са собомъ располаже. Кад' е онъ господаръ надъ своимъ животомъ, зашто да ни е и надъ своимъ слободомъ?

Онъ се може оцѣнити. Онъ може тврдо опредѣлити колико и шта вреди. Онай, одъ кога онъ тврдо опредѣлену вредность прими, притажавъ га законно.

Човекъ нема право себе да прода, еръ онъ право нема, све оно да одобри, што бы некій несправедливый, насильный и развращеный господаръ одъ нѣга зактевати мого. Онъ принадлежитъ свомъ првом' господару, Богу, кои га нигда оставити неће. Онай, кои себе продае, чини са своимъ купцемъ само мнимый уговоръ; еръ онъ губи вредность ону свою одма у оном' окатренуѣу, кад' га прими, по чем онъ и нѣгови новцы долазе опетъ оном' у притяженѣ, кои га купуе; шта може онай, да притажавъ, кои се е сваког' притажаваня одреко? Шта може онай своимъ собственнымъ да назове, кои се е обвезао, ништа не имати? Па ни добродѣтели, ни чести, шта више ни волѣ. Онай, кои се подъ смртоносно оружѣ излаже, будала е, а не робъ. Човекъ може животъ свой на коцку метути, ал' нигда га злоупотребити.

Но ови су робови у бою зароблѣни, и да насъ ни є было сви бы изгинули.

А да л' се кадгодъ безъ вашег' масла бой водио? Ни су ли борбе овы' народа ваше дѣло? Не даєте л' им' вы сами смртоносно оружје? Не уливате л' им' слепу желю, да га употреблюю?

Да л' ће ваши бродови ова туге пунна о-бреж'я оставити пре, нег' што овай кукаквыи народъ, кои ѿи обитава, съ ове землѣ исчезне? И као зашто недопуштате, да побѣдитель свою побѣду злоупотреби, као што бы онъ желио, зашто се вы уплећете и постаєте съ нѣма заєдно кривцы?

Но то су были преступницы, кои су смръть, ил' іошъ и већу казнь заслужили и кои су у своіой собственной земљи на сужаньство осуђени.

Ни сте л' вы онда мучители африканскіи народа? А при томе, ко ѿи є осудио?

Но они су срећніи у Америки, нег' што бы у Африки были.

Е, добро, па зашто уздишу ови робови не-престанно за своимъ отечествомъ? Зашто гледе да се ослободе, како само прилику улуче? Зашто предпоставляю своє пустинѣ и садружество дивльи зверова оном' станю, кое се вами тако приятно быти види? Зашто ѿи очаянѣ дотле доводи, да сами себе убияю и трую? Шта є узрокъ да жене нѣиове неброе-но пута зачеђеный породъ оѣимице безъ вре-мена побацую само, да деца нѣиова нѣиове не-

среѣне судбе участницы не буду? Кад' нам' вы о среѣи вашѣи робова говорите, то ил' лажете, или варате сами себе. Ово се зове, разкалашность на найвышшій степенъ терати, кад' се овако изванредно варварство у дѣло човечества преобратити жели.

Бранитель ѣе робства безъ сумнѣ увидити, да се нѣговым' умозаклученияма ни є сва она моѣ дала, кое є онѣ вештѣ. Ово є можда истина. Но кои ѣе пунѣ знаня човекѣ свое дарове браненѣмъ найгнуслии стварѣи жигосати? Кои ѣе свое краснорѣчие обратити, на то, да тисуѣогуба веѣ учинѣна и іошѣ тисуѣогуба учинити се имаюѣа убіиства правда? Мучителю браѣе твое! узми самѣ перо, ако си кадарѣ, утоли немирѣ савести твое, и оячай твое садругове у нѣиовым' преступлени-яма. Я бы онда са іошѣ веѣомѣ снагомѣ и обширніим' основима, кое бы имао да надбиємѣ опроврѣи мого; но да л' є вредно? Та є ли нужно против' онога, кои лаже, каква велика сила и све душевне моѣи да се употребе? Не бы ли ѣутеѣе презренѣ болѣ и на свом' месту было, одѣ борбе съ онимѣ, кои се за свою користѣ, противу правде, противу свога собственног' увѣреня бори? Я самѣ за човека честнога и осетливого' врло много казао, а за нечовечно дѣлаюѣег' неѣу нигда моѣи довольно казати.

Поитаймо дакле на мѣсто слепо безчовечности нашѣи отчева, да лучу разума и осеѣаня природе положимо. Разлупаймо окове

тако многіи жертвиі наше грабљивости, и одрецымо се таквог' дѣла, ког' є основъ неправда, а нѣговъ предметъ само сластолюбіе.“

Понайвише они Списатели, кои робство извинюю или шта више бране, говоре, као што се изъ преднаведеног' види, само о материалном' губитку, кои притяжательима робова, кад' бы се робство укинуло, прети, а притом' сасвим' превиде, да на другой страни много више губе у вышшым' добрама, коя се съ худимъ новцемъ нигда надокнадити неда. *Развращенность* робова, коя се одъ Бели робове држеіи употреблює така є, да се човеку мора коса на глави да костреши. Неколико примѣра быће доста, да ову сву дубльину нравственне пропасти и покварености познамо, и управо зато є ово дѣло, кога се преводъ овде подноси, сасвимъ вѣшто израѣено.

Законъ робскіи Држава оѣе то, да се сви, па и онай удалѣный потомакъ каквог' неслободног' у кога жилама само капля бѣядисане крови тече, безъ сваког' изговора, инакъ у робство узме, па ако бы девойка была, то бы онда она была осуѣена на порокъ. Ево зато єданъ срце цепаюѣій примѣръ, кои се у Новом' - Орлеану догодио :

„Некій пре много година у Лузиану изселившій се житель Новог-Хамшира предузме у свом' новом' месту пребиваня да се са саѣенѣмъ занима, и за ову цѣль у займљиваше онъ по тамо вѣѣъ обычном' начину, новце съ великомъ лихвомъ, да одъ прибитка своіи жетвиі го-

дишиѣ одужує. Онѣ є живио сасвимѣ у любви и слогѣ съ єдномѣ Квартерономѣ безѣ да се є мого по тамошнѣмѣ законима съ нѣоме венчати. На нѣой се єдва могло познати, да є она боядисаногѣ порекла, притомѣ она бєше добровоспитана, любовенпунна жена и валяныѣ основоположеня съ коіомѣ є онѣ 20. година среѣно проживио. Знаюѣи добро, да тамошнѣи закони децу съ робинѣомѣ роѣену на робство осуѣую, опоминаше она свога супруга, да ѣе и нѣна деца, почемѣ она никога одѣ своіи предкова, да є слободанѣ быо, незнаде, робовѣ быти морати, ако имѣ онѣ судейски слободу непоклони. Онѣ іой се обеѣа, да ѣе се зато, да постара, но кадѣ за пакость заборавѣ, да имѣ писмено ослобоѣенѣ издѣйствує, и кадѣ после 20. година найпре она, а одма за нѣомѣ и онѣ умре, остану две илѣ три прекрасне девойчице, безѣ да се є и примѣтити могао трагѣ нѣиовогѣ порекла, као сироте.

Стрицѣ нѣиовѣ доѣе изѣ Новогѣ-Хамшира, да ствари у редѣ поставѣ, држеѣи се притомѣ да є довольно имуѣанѣ. Нѣму се допадну нѣгове бєлє сыновице, и онѣ имѣ обеѣа, да ѣе ии у своє отечество да води и съ онымѣ друштвама упозна, за коя су оне брижливо воспитанє и преправлѣнє былє. Но наскоро се покаже, да дугови отца имѣ превазилазе нѣгово иманѣ, и да є нужно и ако недостаюѣе ни є знатно, да се ипакѣ съ повѣрительима изравна. Тако дакле преда имѣ братѣ сво заоставше иманѣ, но буде наскоро

обтуженъ, да е неку часть прикрио и да ни е све робове означио. Они су у робове и децу брата му числили, и кад' га тако са очию заплаше, оде онъ нѣма и стане ѿ богорадити и преклиняти, да му баръ девойчице дозволе, а они га изсмею и одбию. Они му рекоше: *да су оне еспаиъ најболѣг' рода*, и да имъ е истый предрагъ, па збогъ тога да никако немогу, да га се одреку.

Онъ имъ е давао, и ако е шесторо дечице имао, све свое иманѣ, дакле више нег' што бы девойчице, као што онъ мышляше, кад' бы се за домаћий, или польскій посо продале приносиле. На ово му се одговори, да има друге цѣли, за кое кад' се продаду, много ће већу уцену имати. Стрицъ имъ дође до очаянїя, и будући да е до крайности доведенъ быо; то е волео да помру нег' да те судбе буду. Но јошъ му е теже на срце пало, кад' имъ мораде приближуюћу се судбу да саобшти, и онъ увѣраваше, да нигда до сад' таке писке и јаука одъ стра' и мѹка чуо ние, као што е сад' одъ своїи сыновица чуо. Одма одъ овог' магновеня нит' едоше, нит' спаваше и донде загрлѣне се држаху, док' едну одъ друге силомъ не одвукоше, да ѿ на тржиште (вашаръ, панађуръ) воде, гдѣ еднаедном', друга другом' купцу за велике новце а најподлие употребленѣ продане буду. Нигда се поздне дознало ни е, гди се налазе" *).

*) Управ' овом' случаю подобно, писао е г. одъ Бомонтъ, кои е съ г. одъ Токевилъ

Но ово не чине само нечувствени и немилосрдни, единствено при измирену са своимъ дужницима бринуѣи се займодаваца, да строге, свако изображенѣ робова забранюѣе законе, као што е скоро у свимаробскимъ државама познато, но ово у потреблюю, безъ призрения на разплоѣенѣ порока, само свой цепъ да напуне. Пакъ шта више господари и заповедници, неѣе да знаю ни за каква нравственна основоположеня, ако само да тога доѣе, да своя притяжаня умложенѣмъ броя робова разпростране. Тако е у Бостону кодъ едне госпе, као што наведена Списателька извѣштава, живила нека служавка, кою су збогъ особиты заслуга яко цѣнили. Она беше робиня и за едногъ роба, кога е волела удата. Она е съ нѣиме веѣъ двоѣ дѣце имала, а нѣномъ господару падне на паметъ, да ради мложеня робова одъ нѣ захте, да съ места другога човека себи узме. Она дуго ние хтела, а нѣнѣ господаръ, попустивши нѣной немарности за нѣой предложеногъ роба, натера е онда, да нѣговомъ сыну другъ постелѣ буде. Она и съ нѣиме роди двоѣ дѣце, обоѣ светлиѣ боѣ. Кадъ се сынъ саѣеня окане, хтеде іой господаръ опетъ другогъ Црнѣца да наметне, но она побегне пуна очаяня и узме дѣте, коѣ е съ

американске затворе испитивао, пуннѣ духа Романъ подъ именовъ: „Marie ou l'Esclavage aux Etats-Unis, Tableau des Moeurs Americains. Paris, 1836, 2. Свез.

првимъ своимъ мужемъ родила. Садъ она
непрестанно о томъ настои, да и друго де-
те, едну девойчицу одкупи и нада се, да ће
кадъ тадъ моћи и мужу іої слободу да изради.
Кадъ су є пытали, да ли она мысли, и нѣну
мулатску децу да ослободи, изяснила се, да
како да су и то моя деца, но неверуємъ, да
бы игда могла, моме мужу исповедити, да
самъ ову децу родила. Съ пунимъ є пра-
вомъ узкликнула преповедателька: „Ако ово
ниє цѣломудреностъ, шо онда незнамъ шша
є? гди се могу нѣжнія чувства наћи, него
у овой жени?“

Могуће є, да се овако поштенъ кодъ
робиня редко налази, кодъ кои се пороцы
свию угнѣтены и чрезъ то за нравственне осе-
ћає отуплѣны са оныма, кои су изъ незнаня
и недостатка правде и собственогъ добра по-
стали, у пуной мѣри стичу. Али ко є то-
ме кривъ? Оне, или нѣови заповедаюћи го-
сподари? Наравно да они даю овимъ похот-
ливимъ насадительима и нѣовымъ прияте-
льима увекъ обилно напунѣнъ аремъ. Но
управъ зато ненравственность Црняца, кое є
чрезъ робство постала, при свой величини,
опеть є маня и безопасня, него кодъ Бели,
кодъ они, кои се незнанъ съ намеромъ
задржава, коимъ се бракъ никако признати,
но продаіомъ єдне части свакій часъ расста-
вити може, кои се ослобоѣнъ свакояко
отештава, и у многимъ државама чрезъ три-
путъ веће одъ вредности роба ємство, да є

сирѣчь кадаръ самъ себе издржавати; ил' чрезъ нѣгово с' места изгнание сасвимъ препре-
ѣуе, можемо се іошъ само чудити, да се
іошъ трагови или шта више примери до-
бродѣтели налазе. Али Бели, кои су неза-
висими и богате задове имаю, а никаква или
оно мало чрезъ заведену робску уредбу да-
та посла проводе веѣу часть времена у по-
роцыма, кои изъ робства произходе. Да пре-
ѣутимо чувственна уживаня мушкараца, шта
бы казали за отуплѣность нравственног' чув-
ства кодъ саме нѣжние поле человеческого' ро-
да, као што се изъ слѣдуюѣег', одъ на-
ведене преповедательке споменутог', за цело
не єдиног' случая видити може.

Нека госпа южног' Сѣдиненя, знатна збогъ
изображеня и углаѣености, преповедаше, ка-
ко є имала врло лепу мулатску девойку. Некій
младъ човекъ, кои при єдной посѣти дуже
време у куѣи нѣной обитаваше, залюби се
у ову дѣвойку. Она молеѣи госпу за обрану
против' нѣговы нападая, прибегне къ нѣой.
Она іой да обрану, и младый се човекъ уклони
изъ куѣе. После неколико неделя врати се
истый натрагъ и изязни се, да онъ девойку та-
ко яко воле, да безъ нѣ живити неможе. „Я
сожалуємъ младог' човека, заключи госпа, и
продамъ му девойку за 1500 доллара.

Јошъ су грозния слѣдства оваке поква-
рености, кадъ женске страсти роллу играю.
Некой робинѣи, према коіой є нѣна притяжа-
тельница безъ довольног' узрока саревнѣива была,

даде ова, у одсутству свога мужа, обадве ноге до чланка одсећи, и у томъ стану, єдне ладне зимнѣ ноћи, у оближню шуму бацѣти. Зима затвори іой ране и тако іой се бѣднѣй животъ спасе. Милостивѣ некій човекъ, кои нѣно єцанѣ чує, узме є у негу. После случайно нађе є господарѣ и поклони іой слободу, само да є не бы нѣгова жена, коя є све могуће употреблявала, да є нађе, у руке добила *).

И на самой нѣжной, ни петъ година неимаюћой, у земли одъ Европаца рођеной дѣцы, кои су пређе у државама безъ робова жили, примѣтіо є Дрѣ Юлиусъ, кога су нѣови родители на то пазливимъ учинили, сасвимъ друго, сирѣчь владарско и страстно понашанѣ, кое су они бадава кудили, спрема црногъ, а друго спрема белогъ служительства. Тако є овай прилѣпчивый воздухъ, при свой предосторожности воспитателя, уважіо већъ и ова млада быћа и за будућій животъ отровао. А ние ни могуће другчіє у єдной земли, где се уобичаєнимъ пониженѣмъ Црняца и робова дотле дошло, да и у самомъ отношенію спрема найвышшегъ быћа, кое є баремъ надъ свима равно узвышено, разлику прави; у єдной земли, где или су особите цркве одъ побожныъ човеколюбаца за Црнце подигнуте, или где, ако су у цркву Беліи пуштены, у особитомъ оддѣленію стояти мо-

*) Abdy Journal, Lond. 1835 Bd. 2. S. 93. ff.

раю, у чему католичка црква благородну изнимку чини *); у єдној земљи, где се є могло таково што догодити, као што є слѣдуюћи одъ єдног' виргинског', робове притяжаваюћег' насадителя преповедани слу-чай **).

Єдном' крозь шуму яшећем' Виргиніанцу, по имену Смиту, учини се, као да изъ єдногъ чбуна човечій гласъ чує. Онъ пође тамо, и кад' бльиже дође, чує говоръ енгле-зкимъ єзыкомъ, али рѣаво, као што обично ро-бови говоре, и то ове речи: „О господи! сићи доле и види бѣдногъ Црньца, срце му є црно као и кожа, драгій господе Исусе, сићи само доле, да чуємъ бѣдногъ Црньца.“ Сад' хр-кне нѣговъ конъ и поплаши Црньца. Овай се подигне мало и просећи викне: „О неудри кукавногъ Црньца!“ Смитъ га запыта, шта ради, робъ му одговори, да се Богу моли. „Зашто?“ запыта Смитъ, а робъ му одгово-ри: „Я самъ бѣдный Црняцъ, ком' є срце као и кожа црно, дођо амо у шуму, да се Богу мо-лимъ, да ме саслуша.“ Онда му рече Смитъ: „Момче, и я се молимъ том' истом' Богу.“ Робъ: „и вы се молитє?“ Смитъ: „єсть, и я љу заєдно с' тобомъ Богу да се молимъ.“ Робъ

*) Католици у Сѣверной Америцы іошъ пре Рогера Виліамса были су први, кои су лепъ примѣръ подпуне слободе душевне и Пра-во свію верозаконскіи партая у државама одъ нѣи основаным' дали.

**) Cox and Noy O. S. 87 ff.

падне на лице, говорећи: „О чините то господару и клекните на бѣдногъ Црнъца.“ Одма сиђе Смитъ доле и клекне, као што се разуме, поредъ Црнъца и обое моляху се Богу.

Оваковомъ дивляченю людѣи ни е могуће помоћи, као што вели Др. Юлиусъ, кадъ стое на путу они строги и све строжиі у свима робскимъ државама закони. Изъ тога начела излазећи, да се робъ као и друго добро сматрати може, забранѣно е нѣму у Георгій, Мариланду, Виргиніи, Сѣверной-Каролини и Миссиссипи сасвимъ, у Южной-Каролини одъ части, и найманѣ што притяжавати. У Миссури дозвољава законъ господару, свога роба, колико хоће, дакле и за цео животъ у тамницу бацити. Поучаванѣ робова забранѣно е формално у Виргиніи, Сѣверной и Южной Каролини, Георгій и Лузиани, често са великомъ казною за онога, кои бы се одъ Беліи у судио обучавати.

Ради опасногъ примера забранѣно е многимъ слободнымъ Црнъцыма у многимъ робскимъ државама подъ великомъ казною, да се у нѣиовимъ границама видити даду. У Виргиніи и Тенесеу мораю и сами они робови, кои су онде ослобођени или одкуплѣни, съ места нѣиову землю оставити. Изъ овогъ е закона и оно 1816 особито одъ притяжателя робова основано, тако звано друштво населбине произишло, кое има задатакъ, да слободне Црнъце о свомъ трошку на Либерию, то естъ населбину на приморю одъ Гвинее подъ

70 С. Ш. основану, превози. Да не пресуђуемо противословне вѣсти о развитку или о падању тога трговину са робовима јошъ помогајућегъ места, морамо опетъ признати, да више изгледа као средство безбѣдности за притяжатель робова, кои су по већој части и сочленови, него као заведение чистога човеколюбия. Одъ почетка свога едно на друго преко године ни є се могло више одъ 800 Црњаца изъ землѣ уклонити. Ово є одъ прилике седамдесета часть прираштая, кои црно людство сваке године најприроднимъ путемъ добива, изъ чега се види цѣла безполезность овога данайдскогъ посла.

Али у сѣдинѣнимъ државама има и други управъ јошъ више друштва, која се непосредствие о томе стараю, да ослободе земљу одъ терета и опасности многобройне робске населбине. Први су были Пенсилвански Квекери, кои се стараше за уклоненѣ робства. Први трагъ овы благородны трудова налазе се већъ год. 1688. на годишнѣмъ сабору Квекера, шесть година каснѣ одъ основанія Пенсилваніе. кадъ су неки Нѣмцы противу робства говорили. И они истоме црквенOME общинству принадлежеѣи Пенсилванцы Воолманъ и Бенецетъ покусили су о томе радити, кадъ су Квекери 1755 све притяжатель робова изъ друштва изключили. Найпосле прва друштва заведена су у Филаделфіи 1774 и 1785 у Нью-іорку, чрезъ која бы се у тврдило уклонуће робова и подпомаганѣ ослобођены.

Слѣдуюкій говоръ єднога Квекера више є знатанъ, него да бы га овде преѣутати могли: — Докле ћемо имати две савѣсти, две мере; єдну за користь нашу, другу за бѣду ближнѣг' нашег'; обе єднако лажне? Єли прилика, браћо моя! у овом' тренутку, да се тужимо, што насъ оће енглезкій парламентъ да подчини; што нам' оће окове поданичества да наметне; а да нам' неда право суграђана; кад' мы дуже одъ єдног' столѣтїя спокойно чинимо тиранство, те држимо у оковыма тешкога робства люде, кои су наша браћа? Шта су намъ ови бѣдни учинили, кое є наравъ тако страшномъ разликѣмъ одъ насъ одцепила, и кое наше сребролюбїе, чрезъ кораблекрушения, у горѣщим' песковитим' пустыняма и у нѣиовим' шумама међу тигрима тражи? Какво учинише они беззаконїе, да су изъ землѣ изтргнути, коя їи є безъ раднѣ ранила, и да су на ову земљу пренешени, гди у тешкомъ послу и робству умиру? Па кою си онда фамилию саздао, отче небесный! кад' найстарїи отму прво браћи добра, и їошъ после съ бичемъ їи тераю, да исто наслѣдство, кое имъ є одузето; крвљу своїи жила и зноємъ свога лица заливаю? Оплакаемый роде! кога мы до скота зато понижавамо, да га тиранизирамо; у коме мы све способности душевне гушимо, да нѣиова леђа и нѣиову мишицу теретомъ притиснемо; у коме мы образъ божества и подобїе човечества нећемо да

познамо! Роде осакаћени у способностима душе и тѣла, у читавомъ быћу! Па мы смо Хрістіяни, мы смо Енглези! Народе, кога Богъ благосиля, и кои си на мору страшанъ! Шта! ты оћешъ, да си слободанъ и притоме тиранъ? Не, браћо моя; време є, да се єдаредъ међу собомъ сложимо. Айдете да ове бѣдне мртве нашега високоумія ослободимо; айдете да поклонимо слободу Црнѣцыма, кое не бы требао човекъ човеку да отима. Камо срећа, да сва христіянска друштва по нашемъ примеру ту неправду, која є чрезъ двестогодишнѣ грабеже и беззаконія укоренѣна, уклоне. Камо срећа, да ови тако дуго у пониженю држани люди єдаредъ свое одъ око-ва слободне руке, съ очима пунимъ благодарны суза, небу подигну. О, ови бѣдни непознаваше до садъ друге, но сузе очаяня.“

Новія друштва, која се стараю о ко-начномъ укиданю робства, станише се нарочито у сѣвернимъ државама, новой Енглезкой и Ньюјорку. Ова су дала повода толикимъ тужбама насадителя и робскіи притяжателя, кои доказую, да та друштва печатанимъ кнѣигама (кое су, вальда да се неупотребе памучне рите одъ робова раћене, на ланеномъ папиру печатане) образима и пуномоћницима да робове буне и са своимъ станѣмъ незадовольнимъ чине.

Цѣлу безплодность друштва населбине, која се єдино труди, да се уклоне слободни, 1830. у сѣдинѣнимъ државама 167,000 изно-

сеѣи Црнѣцы, да се не да у малый брой робова свести, види се изъ умложенья овы'. Оно превозходи не само мложенѣ слободни Црняца, кои су сиротинѣи и збогъ свое природне лѣнѣности бѣди изложени, но и Бели, сирѣчь за десетакъ година, одъ 1820 — 1830 умложено се брой людства различити редова у старѣимъ робскимъ државама у слѣдующимъ размѣриями. У Сѣверной-Каролини, сирѣчь меѣу слободнимъ Црнѣцыма за 13, 4 и меѣу робовима за 20, 2 на сто, у Лузиани кодъ они за 25, 6 и кодъ ови за 58, 7. наипосле у Южной Каролини кодъ слободни само за 8, 7, кое е манѣ него у многимъ европейскимъ државама, меѣу робовима трипутъ толико, за 22, 1 на сто. Премда робови многи умиру на новой баровитой земли, кою на жестокомъ сунцу обдѣлавати мораю, тако, да се на западу први година брой умируѣи на третину ради на цѣнио и премда господари и надзиратели робова грозно с' нѣима поступаю, опетъ ови, кадъ се едно на друго узме, дуже живе, него Бели, ерѣ имъ поднебие Америке болѣ приа, него оныма. То е дакле узрокъ, што се Црнѣцы више, него Бели, мложе. Меѣу оныма пакъ с' тимъ су сретни робови одъ слободни, што господари, можда изъ себичности, воде бригу о нѣима у дѣтинству, у старости и у болести, као што е самъ Др. Юліусъ некомъ насадителю у Южной Каролини начертати морао планъ ради зиданя неке болнице за нѣгове робове.

Ако и не узмемо годишню листу умирујући одъ великіи американскіи градова, кою Емерсонъ Нилесъ и Руссъ саставише, као поуздану, по коіой бы се управляти могло, то є опетъ званично численъ народа год. 1830 єднако. При овой сирѣчь нашло се међу десетъ и по' милліона Белии 550 стараца преко 100 год., међу 2,000,000 робова 1386, дакле кад' се узме веће число Бели урачунъ скоро 12-пута више остарѣліи има међу робовыма, него међу онима. На противъ особито знаменито є, да є међу 166,146 слободны Црняца 655 одъ сто и преко сто год. дакле скоро 60 - пута толико, као међу робовыма было. Већа часть одъ овы живише у соразмѣрю къ укупномъ брою, у сѣвернимъ државама, гдѣ су законитимъ укиданѣмъ робства пре слободу добили, него у южнимъ. У колико се пакъ у новой земљи, при тако честой промени обиталишта, може човекъ ослонити на извѣстия остарости, особито међу Црнѣцыма, тешко є опредѣлити.

Найвећа опасность прети цѣлой системи робства одъ стране слободны Црняца кои се да како више него робови Белима приближише. Зато и мораю, као што є веѣъ споменуто, не само Виргинию по ослобоженю оставити; него у млоге робске државе не смею ни ступити, и у самоме сединѣномъ окружию Колумбій лишени су свога найвышшегъ добра, то єсть слободе. У овомъ окружию, и то

у главной вароши Сѣдиненя (Union), у Васинг-
тону, кои единомъ суду конгресса подлежи, бы-
ло е случаєва, да су слободни Црньцы као ро-
бови продавани зато, што нису могли надзи-
рателю тавнице, у кою су бачени, да свою
слободу докажу, таксу нѣгову изплатити.
Притомъ се догодило, да е некій 1821 и 1822
405 дана у тавницы држаний Црняцъ одъ па-
тнѣ и гладіи тако опао быо, да га ние хтео ни-
ко, што е бѣгаль постао, да купи, те тако изгу-
би тамничаръ свою наплату, али му то на честь
служи, што е веѣъ 1802 год. две године по-
сле, кадъ е Васингтонъ главна саюзна варошъ
постала, са енергиомъ чинио конгрессу пред-
ставленя ради страоте робске трговине, коя
се у велико води. Ёрѣ башъ у та два града
Саюзног' окружия, Васингтону и Александріи
налази се више добро сазидани и противъ
бѣгства обезбѣѣени затвора робскіи тргова-
ца, кои робове онде, по' сата одъ capitoла, ве-
зане и оковане чуваю, и оданде у южно-за-
падне државе превозе.

Оваке страоте допушта законъ конгрес-
са, найвышшег' земальског' суда, кои аме-
риканскій народъ заступа. Да како да се овай
у засѣданію одъ 21. Дек. 1837 претняма по-
вѣреника робскіи држава повести дао толико,
да оба Дома сената са 25 противъ 20, долъ-
нѣг' Дома са 124 противъ 75 гласова свечано
заклучише, да се просбе за уклоненѣ роб-
ства у Саюзном' Окружію Колумбій *несмеду*
ни прочишати, но на столъ метуте, не

саслушане, некъ стое и чекаю спокойно упиштенъ.

Шта дакле очекивати имаю Црньцы у овакомъ станю стварѣи, до очаяня. Тако се не давно видити могло, како є некій трговацъ робскій по улицама Васингтона вияо свою робиню; она видивши заръ да одъ нѣговы' ноката избеѣи не може, скочи у рѣку и утопи се. Тако се є нека млада, као капля робиня, коя є у збегу была, гди се ослобоѣеницы и други избегши робови задржаваху скрила, но кад' є смотрѣла да су іой нѣни гонителѣи утрагъ ушли, скочи она съ треѣег' спода (*Stoof* = спратъ = бой) на калдрму. Господаръ девойке нехтеде є, кад' є сву осакаѣену и као богалѣа виде къ себи да прими, веѣъ є као айману пусти и сад' у Бостону одъ милостинѣ некѣи госпожа живѣи. — Тако є пре долазска нашег' повѣстника *) у некоѣ малой варошицы, продана была єдна робиня, некомъ кои є немогаше исплатити тако, да є явно продати (на лициѣаціи) мораде. Ню заєдно са нѣно двое деце исплати некій скиѣаюѣій се робскій трговацъ, кои знаюѣій да се Црньцы страшно плаше, да одведени не буду у нове робске државѣ, као што веѣъ обычно и бѣва, обмане є, да є за потребу домаѣу узѣма. Шта више дозволи онъ мужу

1) Reed and Matheson Narrative of a Visit to the Amer. Churches. (Newyork, 1835) Свез. 2. стр. 174.

куплене робинѣ, кои є такође робѣ у истомъ месту быо, да ню и децу іой по'оди. Обое се међутимъ поплаше, да ће онѣ по обычаю робскіи трговаца матеръ одъ деце потайно разлучити, па зато господара нѣногъ отацъ дечинѣ замоли, да и нѣга купи, кое овай одбие. Садъ се овай очайникъ рѣши, да крайнѣ средство употреби, да утечне са обое деце: но као што ништа тайно у онако маломъ месту бити могло ни є, тако исто и безбедномъ бѣгству надати се ни є могло. Но ипакъ узалудно се тражише више месецы избегши, докъ се некако случайно утрагъ не уђи, да є подъ креветомъ сестре робове прлявѣ и умашѣнѣ подъ (патосѣ). Даску садъ єдну одигну, подъ којомъ нађу, петъ стопа дугу и три стопе широку яму, која ни є ни за мртвачкій сандукъ довольна была; у којой є мати са свое двоє деце читави шесть месеци провела. Сво троє одбегши буду притяжателю повраћени, а мужъ іой іошѣ (1836) живляше у Виргинской варошицы.

На подобный начинѣ овоме доживило се, да су ланцыма обтерећени, у бѣгству уваћени робови, или трговца робскогъ, или себе саме убияли, или пролазећи крозъ какво место, а сикиру бы смотрили, одма бы истомъ руку себи одсекли, па бы онда узвизивали радостно видећи се богальима, да за господара ни су. Тако су на последку, као крайнѣ средство, многобройна сазаклетия, шта више буне се у робскимъ државама подизале, кое се

садъ веѣтъ реѣе у правомъ отношенію са стро-
гошѣу Закона' и малаксаванѣмъ граблѣивости
притяжателя догаѣаю. Овде принадлеже буне
оне у Нев-Іорку год. 1712 и 1741, у Камдену
и Южной-Каролины 1816, у Сутамтону и Вир-
гиніи 1831, у Карлестону и Южной-Каролины
1719 три сазаклетія и єдна буна, па и оно 1822
године са робскимъ државама Хайти заиста
чудесно сазаклетіе *), као и оно 1835 год.
некимъ Муррелломъ потайно сковано, кое се
є по свымъ робове држеѣима државама распро-
стрло.

Свыма овыма страотами по найвише по-
водъ є унутрашня трговина съ роблѣмъ, т. є.
она у велико поставша трговина и одводенѣ
робля изъ найдалѣ сѣверны робскіи држава' у
найдалѣ южне и западне, коіи ново обдѣла-
ваюѣа земля оно веѣтъ напоменуто умираѣѣ
дѣлателя производи. Чрезъ продає ове, ума-
лио се є брой Црняца, и ако су се яко плодили
у Виргиніи, по званичномъ извѣстію одъ по-
четка Марта 1833 до 1834 у читаво 15.000,
а одъ 1834 до 1835 опетъ за 3000 глава.

*) L. H. Kennedy and Th. Parker Official Re-
port of the Trials of sundry Negroes, charged
with an Attempt to raise an Insurrection in
the State of South-Karolina: preceded by an
Introduction and Narrative; and in an Appen-
dix, a Report of the Trials of four White Per-
sons, on Indictments for attempting to excite
the Slaves to Insurrection. Prepared and pu-
blished at the request of the court. Charleston,
1822, 8.

Ништа страовитиег' за робове нема, до тога, кад' знаю да су продани и да ће одвучени и поворчени у ланцу еданъ съ другимъ као марва быти, кое се сад' у Французской, ни са найвеѣым' злочинцыма, кои бы се имали у ма кое пристаниште за бродске робове да одведу, обуставило. Чрезъ ова одводеня, чиме господари своим' робовима прете, бываю супрузи, родители и деца безъ сваког' призрения разставляни и кое куда по предѣлима разпродавани, или, као што быва при африканской трговини, на робским' бродовима, еданъ до другог' поворчени, и по мору развожени.

При свем' том' у станю є уроѣена веселость Црнѣца све му теготе и утесненя, песмомъ да олакша. О чему пише Дрѣ Юлиусъ врло обширно, а Райналъ између осталог' вели: „Учини ли само предметъ или случай какавъ у Црнѣцу упечашленѣ, шо га онъ съ мѣста сиева — Црнѣцы су Сшихошворцы и вѣшщацы у свиркама.“ (Raynalt. VI. Livre XI. ch. XXIII *).

Найрадиє пѣваю пѣсму, коя починѣ:

Though the shin be dark, as skades of night,
Our souls are fair, our hearts are white **).

*) Да є ово истина найболѣ сведочи Іра Алдриѣ, славный црный позориштникъ, кога игра свуд' є найвеѣе одушевленѣ побудила, па и овде у Бечу ове године. Одломакъ еданъ изъ живота Іра налази се у додатку Обшты' Новина.

**) И ако су црна ко ноѣ наша тѣла,
Наше душе и срца су бѣла и т. д.

Довде смо различна мнѣнія у смотреню робског' вопроса навели, да бы читателя съ овимъ велеважнимъ дѣломъ болѣ унознали.

Сачинителька є много године провела па-зећи на животъ робова, и заиста нѣна су описиваня уобште тако жива, тако истинна, тако сватима, да се готово ни посумняти не да, да ни є све на истини основано. Сачинителька ни найманѣ не претерує. Свагда є было добродѣтели, поштени и човечни притяжателя робскіи, но такође и изметака людства, о чему не треба да сумнямо. Исто тако има довольно примѣра, одъ особите добродѣтели у робовима. О чему озбиљный Историописацъ *Райналъ* приповеда (у 6. Свез. 11. Кнѣги 22. гл.) слѣдеће случаєве, кое ћемо одъ чуда навести:

„Мысли се и говори се радо у Америки, да Африканцы нит' су кадри мыслити, нит' добра дѣла чинити. Ево зато случая кои нам' служити може, да важность овог' мнѣнія опредѣлимо.

Єданъ енглезскій бродъ, кои є у год. 1752 у Гвинею трговине ради допловио, гди принуђенъ буде, свог' лѣкара да остави, будући да ни є мого море збогъ свог' слабог' здравля да подноси. Муррай заузме се за нѣга и исцѣленѣ нѣговог' здравля, кад' ал' дође єданъ холандскій бродъ и све оне Црнѣце, кои су любопытности ради на бродъ отишли, у окове баци, и съ плѣномъ своимъ што брже одплови.

Они, кои су судбу овы несретньика видили, поврве съ места пуни огорченя збогъ тако гадне и паклене преваре къ Кудцоку, кои ѿи на врати задржи, и запыта, шта траже. „Тражимо оногъ Белогъ што є у твоіой куѣи,“ зипарали су, „онъ мора погинути, ерѣ су браѣа нѣгова нашу браѣу срамно заробила.“ —

„Европейцы они, кои су наше суграѣане уплачкали, ни су ништа друго, до варвари“ одговори благородный гостопримацѣ, „потуцыте ѿи, гди ѿи само наѣете. Но овай, кои се кодъ мене налази, добарѣ є човекъ и мой приятель; моя є куѣа тврдиня и я самъ нѣговъ чуварѣ, кои га бранимъ. Пре него што до нѣга доспете, морате мене убити. О приятельи мои! Та, кои бы поштенѣ човекъ къ мени съ вольомъ дошо, кадъ бы онъ знао да самъ я у опасности, да ѣе мое обыталиште невиномъ крвлю осквернѣно быти?“ Ове речи уталоже ярость Црняца; они одступе срамно одъ свогъ намереня; и после неколико дана изяве и сами Мурраю, како се заврло среѣне држе, што ни су оно преступленѣ извршили, за кое бы ѿи цѣлогъ живота савестъ гризла. Изъ овогъ случая може се лако заключити, да се Африканцы у новоме свету чрезъ прва упечатленя, коя они тамо приме, како на добро, тако и на зло опредѣлюю. Ово є веѣмъ млогимъ изкуствомъ доказано. Они присвояваю непримѣтно умышляє и склоности дома, коме принадлеже. —

Тако се некій португалскій робъ, кои е у шуму побего быо, поврати, кад' е чуо, да е негдашній господаръ нѣговъ збогъ неког' потайног' убиства окривлѣнъ быо, обтужи предъ судомъ себе, да е онъ то крвно дѣло учинио, да себе у место окривлѣног' затворити, наведе лажна, но судейска доказательства, и смртна се казнь на нѣму изврши. Дѣла овако выпренна заиста су редка. Ево јошъ едног' и ако не тако юначног' а оно баръ уважаемог' дѣла.

Некій насадитель изъ Св. Доминга имадѣ врло поверителног' роба, коме е обећавао, да ће му часъ по часъ слободу покложити, но ни како речъ своју одржао ни е. Што се више овај любимацъ упињѣо, да му се умили, то му се све тежи ланцы наметаше, ерѣ у колико се годъ више напрезао, у толико е више употребителанъ быо *). Но ипакъ надежду изгубио ни е, ерѣ заключи, да на другій начинъ до пожелаеме цѣли дође.

*) Као н. пр. у К. С. ако е ко способанъ быо да перо води, тай е писаромъ ил' Секретаромъ и обелио, но ако писменъ быо ни е, ил' човекъ манѣ способности, тай се е надати мого скоримъ, да ће членъ Суда, или иначе чиновникъ постати, гдѣ съ перомъ посла имати неће, као н. пр. Срезскій ил' Окруж. Началникъ, членъ Апелациѣ, или по нужди Совѣта. Овако е пре было, како е садъ, за пакость незнамъ.

У некым' краєвыма острова мораю се робови за рану и одело сами, да стараю. Но да бы ове потребе надокнадили, то имъ се дає опредѣленный просторъ землѣ, и свакій данъ по два часа (сѣта) да истый обдѣлрати могу. Они, кои су радени и по разумнѣи, не иду само на то да зараде само оно-лико, съ чиме се издржавати могу, но они се труде и на то иду, да толико ураде, да што одъ рада свогъ и на страну мету.

Лудвигъ Десруло, кои є себи предпо-ставлѣну намеру имао, толико се є трудио и штедливъ быо, да є довольно за одкупъ свой уштедио; онъ дакле поднесе вред-ность за свою слободу, коя му є веѣъ то-лико пута обеѣавана была. „*Я самъ до садъ веѣъ досша съ крелю браѣе мое шрговао,*“ рече му господаръ, „*шы ме приводишь къ са-моуризнаню, шако одъ садъ си слободанъ!*“ Ни є много времена прошло, а човекъ овай, кога є срце више изопачено, него ли што бы само по себи покварено было, прода свое садове и одплови у Французску.

Да бы до свое области дошо, требао є, да крозь Паризъ путує. Онъ се ѣаше само мало у нѣму да задржи; но многостручна увеселения овог' красног' и дражестног' гра-да, дотле га задрже, докъ на будаластый начинъ, све свое богатство, кое є веѣъ одъ толиког' времена теко непропуѣка. Садъ доѣ до очаяния, и као годъ што є исподъ до-стоинства свога држао, оне у Америки кои

му за свой напредакъ и станѣ благодарити имаю, за приятельство да моли, исто тако у Европи ни е хтео одъ оны' помоѣ да иште, кои су га упропастили.

Кад' е дошо у Капъ-Франсоа сви се за-препасте. И ако станѣ нѣгово овде одма познато было ни е, ништа манѣ, свакій га се клонио. Све су куѣе за нѣга затворене бы-ле, и нико се према нѣму не сажали. Онѣ беше принуѣенѣ, одъ свакога оставлѣнѣ и презренѣ, да бѣдне дане у срамоти, коя си-ротиню, а нарочно заслужену сиротиню пра-ти, проводи, кад' ал' нечаянно угледа Лудви-га прострта предъ нѣговым' ногама. „Удо-стойше,” рече му овай племенитый ослобо-ѣеникъ, *„удостойше куѣу вашег' роба и при-мише ово покорно подношенѣ, вы ѣеше у нъой послужени быши, вама ѣе се шамо сва-ко повиноваши и васѣ слушаши; вы ѣеше ша-мо люблѣни быши!”* Но будуѣи да е на ско-ро примѣтио, да оно высокопочитанѣ, кое се страдалцыма подноси, да оно отличие, кое се благодарѣтельима указуе, нѣговог' негдаш-нѣг' господара неусреѣава, то га онѣ приво-ле, да се у Французску натрагѣ врати, и тамо живи. *„Моя ѣе Васѣ признашелность прашиши,”* рече му робѣ и обувати му коле-на. *„Ево вам' обвезашелно писмено одъ 1500 Ливр. *) годишнѣг' дохода, за кое васѣ пре-клинѣмѣ да примише. Овай новыи знакѣ ва-*

*) Или 600 фр. Ср. за оно време довольно

ше доброте дане ќе моє сладкомъ ушѣхомъ испуниши.”

Обеѣнанный доходъ овай съ места е уредно напредъ исплаћиванъ. Поредъ овогъ дохода често е добияо и поклоне: Обоица живили су јошъ до год. 1774. „О да су и дуже живили, узклицава *Райналъ*, за примѣръ овомъ неблагогодарномъ и развратномъ столећу!“

О постаню дѣла овогъ приповеда г. Стове, да е она више година свогъ живота оѣмице избегавала, да што о робству чита, ерѣ е држала, да ќе напредуюћа луча углаћености исто изкоренити; но кадъ е за чудо чула, да се у законодателнимъ Скупштинама одъ 1850 год. Християна и людіи предложена чине и препоручуе, да се избегши робови у робство натрагъ предаю, и да ово за дужность добри грађанаъ предлагу — кадъ е свудъ у слободнымъ сѣверо-американскимъ државама човеколюбивыъ и честитыъ мужеваъ саветованя и скупштине саслушавала и провидила, да се што више обавести, шта е у овомъ отношеню Християнска дужность — онда е текъ могла видити, да ови люди и Християни не знаю, што е то робство; ерѣ кадъ бы знали, то не бы о овомъ вопросу ни речи повели. Одтудъ породи се у нѣой желя, да ово у живлѣмъ, драматичномъ дѣлу изложи. Она е овочестито съ найболѣ и съ најгоре стране тражила да докаже.

Довде смо говорили о американским' робовима, а сад' ћемо да говоримо о станю Християна живећима у европейской Турской, нарочно пакъ о браћи нашої Бошняцыма и Бугарима. И тако, што є у Америки боя, то є у европейской Турской законъ. Црняцъ є у Америки робъ, кои се баръ съ новцыма одкупити може, но Християнинъ є у европейской турской вечитый робъ, као што ће се читатель доцниє увѣрити.

Турцы уобщє све оне, кои мухамеданског' закона ни су назывлю *Раіомъ* *) коє зна-

*) По турском' закону *Рая* су сви они, кои у царству турском' живе, а ни су вѣре мухамеданске, нити су обрезани, већъ окапину (ргерисіѣм) носе. *Рая* є у томе само одъ роба различна; што є неможе Турчинъ да прода, у осталомє сасвимъ є робъ правый, нити икаква преимущтва може имати, нит' се съ Турцыма равнати: „*Раю є Богъ Турцыма поклонио, да Турчину измешъ* (службу) *чини*” кажу босанске кадиє (судіє). Ако н. пр. Турчинъ съ Християниномъ парницу какву на суду има, то є мора Християнинъ изгубити, еръ све валя засведочити са два сведока, и будући да Християнинъ Турчина нигда неможе наћи, кои бы противу свог' єдновѣрног' брата сведочио, а Християнинъ неможе противу Турчина сведочити, то онда слѣдує, да Християнинъ мора свагда парницу да изгуби. Па зато и у самым' Шурама (Савѣту одъ 6 — 12 людіи) у свакой нахін, кои судбєне предмете у друштву съ

чи стадо (марва-стока*) и ово по преданию Пророковомъ далази, гди се вели: *Сви смо мы*

Кадиомъ разправляю, Християни су презрени. Ове су Шуре уведене пре 7 година, и было є уређено, да се и Християни у Шуре примаю и да гласове свое даю. Само у шесть нахия у Босни позвани су и Християни у Шуре, но не да суде и пресуђую, већъ, да ватру на луле доносе и иначе, да Турке служе. Царска є ово добра намѣра была, да Шуре уведе, како да се самовольство Кадия ограничи, ал' тим' є јошъ горе учинѣно, што обычно у Шурама, најжешћи зликовцы Турцы седе, кои обычно на Християне вичу: „*На дворѣ! (на полѣ) липовый крсте, ово є земля шурска, не куца јошѣ овдѣ звоно, већѣ се шурскій езанѣ учи.*” О овоме обширниє читай у Земљопису и Повѣстици Босне одъ Славолюба Бошняка стр. 159 у изясненю. Што се насилія турског' тиче, моћи ће се читалель осведочити, ако узме ма кое у месецу Февруару и Марту изишавше ове године новине, у којима ће наћи, како є еданъ *забишѣ* (судејскій пандурѣ) туко арбијомъ царско-австрійског' лиценосца г. генералног' Консула Атанацковића. Да ће за ово Турска кияти, то се разуме. Кад' дакле Турцы овако бесомучно поступаю са царским' повѣреникомъ и чиновникомъ, шта се онда мыслити дає, како се кукавна Рая злостави.

*) Види државный Уставъ и Државно правленіе Османског' Царства одъ Јосифа одъ Хамера у I. Части на страни 180.

пасшири, и свикій ће одъ насъ негда за свое стадо одговараши. Слуге су стадо господара, кои ће за исто пышани быши; деца су стадо родитеља, кои ће за ньи одговараши; народи су стадо владашеля, кои ће за ньи пышани быши.“ — Найдревниє понятіє о пастыру п стаду, кое се кодъ насъ само іошъ у духовной Хієрархіи задржало, постои дакле у истоку, као отношенъ између народа и владателя уобште, а по наособъ као отношенъ између мухамеданскіи освоителя и не мухамеданскіи побѣђени, за основъ. Овогъ се основа они придржаваю, те тако Християне као марву на главе брое, порезъ опредѣлюю и безъ сваке іи казни стрижу и колю.

Између осталогъ неће быти овде излишно, да наведемо она 24 узаконѣна чланка *Омаромъ Ал-Хашабомъ*, а тии су слѣдующи:

1. Християни и Чивути несмеду у подврженнымъ намъ земляма монастыре, цркве или испостнице зидати.

2. Они несмеду цркве поправляти.

3. Они, кои у сусѣдству са Мусулманима живе, могу свое куће само у случаю какве преке нужде поправляти.

4. Они ће за путнике капиє монастыра и црквіи разширивати.

5. Они ће свима странима тридневное гостопримство давати.

6. Они несмеду никве обавестителъ примати, и ако бы какве дознали, одма ће ду-

жни быти такове Мусулманима ии оддавати.

7. Они не ће смети децу свою у Корану обучавати.

8. Они не ће смети сами себи судити.

9. Они не ће смети неком' изъ средине свое на путь стати, да Мусулманъ постане.

10. Они ће Мусулманима морати честь оддавати, и при улазу нѣиовомъ, на ноге скакати и место имъ дати.

11. Они се несмеду што се альина и обуће тиче, као Мусулмани одевати.

12. Они несмеду ученость Арапску (кнѣижевный языкъ) учити.

13. [Они несмеду на оседланом' коню яшити, саблѣ или друго оружїе нити у куѣи, нити изванъ куѣе носити.

14. Они несмеду вино продавати, и косу на глави имати.

15. Они несмеду на прстеню имена своя урезивати.

16. Они несмеду широкъ поясъ носити.

17. Они несмеду изванъ куѣа своїи крстъ или друге какве свете знаке явно носити.

18. Они несмеду у своим' куѣама яко и ясно, веѣъ само умерено звонити.

19. Они смеду у нѣима само съ пола гласа пояти ил' певати.

20. Они смеду само полагано за свое се умрше Богу молити.

21. Мусулмани смеду на хрисианском' гроблю, коя се више за упопанѣ не употреблюю, орати и сеяти.

22. Християни и Чувути несмеду робове и слуге држати.

23. Они несмеду зароблѣне мусулмане куповати, и у куће мусулманске загледати.

24. Ако бы Християнина или Чивутина Мусулманъ злоставио, платиће зато опредѣлену прецену у новцу.

И ако е овай законъ давняшньи, кои е узаконио Омаръ Ал-Хатабъ, кад' е Дамаскъ освоио, ничимъ манѣ обновио га е великій Везиръ Юсуфъ-Паша, па и данъ данашный важи, и као свето писмо држи се, нити га сме Царъ турскій покварити и ако е Уставъ (Тензиматъ) издао. Све су новие Уредбе текъ црно на белом' написане према Корану. — Истина Богъ сад' смеду Християни и Чивути своя имена у прстенѣ урезивати, но н. пр. равногласна имена, као *Иосифъ*, *Авраамъ*, *Илия*, нигда несмеду заменути са *Юсуфъ*, *Ибраимъ* и *Алия*. Ово се е предразсужденѣ увукло и у царско-османску Државну Писарницу, почем' на повѣренным' писмама (*Crediven*), коя су управляна была безсмртном' Цару Иосифу II. ни е стояло: Юсуфу, већъ: *Юсеипе* *).

*) Des osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung von Joseph von Hammer I. Thl. S. 186.

Изъ доведе у кратко наведеног' станя Християна у европейской Турской нека изволе господа читателѣи сравненѣ учинити, па ће видити, да управ' никакве разлике нема између *американскѣи робова и шурске раѣ*; ерѣ као годѣ што американски робови немогу ништа *своимѣ* назвати, шта више *своѣ шѣло*, исто тако и рая. Јошѣ на већу жалостъ као што смо се изъ достовѣрног' извора извѣстили, губе Срби Бошняцы сад' и име да су сирѣчѣ *Срби* и зову се по вѣроисповѣданію: *Мусульмани*, (Срби Бошняцы, кои су мухамедове вере); *Уруми*, (Срби Бошняцы, кои су грчко-источне вѣре) и *Кашолицы* (Срби Бошняцы, кои су римске вѣре),

Све ово доведе зато смо навели, како да читателѣ болѣ преправимо за предстоѣће дѣло: „*Чича Томину Колебу*,“ кое нека изволи читати, а у исто време да ѣи упознамо са бѣднимѣ станѣмѣ браће наше, Християна у европейской Турской, а нарочно кукавны' Бошняка. О! да л' ће икад' време слободе настати и сужанство тамо престати! —

Миланѣ Д. Рашићѣ.

Молитва Роба.

Вѣчности райска!
Кад' ѣшъ робу бѣдном',
Покоя жедном',
Двери отворит'?

Веѣтъ су му давно,
Люто дотештала,
Земальскіи зâла,
Сносимость дуга;

Нит' му се мили
Лепо; Ёрѣ га ружно,
Мрачно и тѣжно,
Тамомъ покрива.

Великій Боже!
Спаси црва твога
Яда вѣчнога
На овом' свету! —

М. Д. Рашићъ.

„Ко є нѣга моимъ господаромъ учинио, шо є,
што бы я радъ знаши!?“ (Страна 29. Свезска I.)

ГЛАВА ПРВА.

*Чишашель се упознає съ душевнимъ
човекомъ.*

Суровог' месеца Февруара, єданъ данъ предъ вече, седише двоица, при чаши вина, у єдной красно уређеной обѣдницы (Speisezimmer) у граду П. у Кентуки. Столице су своє у бльизу єдну другой примакли, и видило се, као да су се о некомъ предмету съ особитомъ ревношћу разговарали.

По изгледу оног' єдног', кои маленъ и дежмекасть беше, могло бы се заключити, да є нека грабуля быо, и то, као што га просте черте лица издаваху, одъ низког' порекла, да є човекъ, кои све силе своє напрезаше само, да се узвиси и подигне. Ношиво му беше претоварено; на нѣму беше прслукъ на коцке са дречефым' бояма, око врата плава, са жутым' бобицама, марама и дрзкомъ „машлиомъ“, коя са свимъ у противборству стояше са осталимъ сношенѣмъ нѣговимъ; незграпно дебели прсти быяху богато съ прстенѣмъ оба-сути: єданъ тешкій одъ злата ланаць за сѣтъ (часовникъ) са читавомъ гужвомъ, „печата“

одъ знатног' обима и мложине боя служаше му найвише зато, да се съ нѣма као што се вишло трајућему разговору игра и дичи.

Нѣговъ разговоръ беше сама пародия по правилама найискуснѣи ѣзыкоучителя и съ тако простым' изразима смешанъ, да насъ срце никако неможе да повуче, да о нѣму опредѣлительну карактеристику по другѣй путъ дамо.

Саучастникъ нѣговъ, господаръ Шелбѣй, было ѣ лица благородног' и намештай домаћѣй показиваше богато станъ нѣгово. Они су были, као што ѣ упочетку казано, некимъ ревностнимъ разговоромъ заузети.

„Само бы ми тако могућно было, да стварь уредимъ“ рече господаръ Шелбѣй, „мени се види, неће ништа быти одъ наше погодбе,“ рече другѣй, почемъ чашу вина према светлости држаше, као да хтеде истог' бою да види и испита.

„Тома ѣ заиста изванреданъ деранъ, чуѣте Халаю, и оны' новаца свакояко вреданъ; снажанъ ѣ, поштенъ и способанъ; онъ цело иманѣ мое, као сѣтъ какавъ у реду држи.“

„Да, да, вы држите, да ѣ онако поштенъ, као што су обычно Црнѣци поштени,“ одговори Халай, почем' себи чашу ракиѣ наточи.

„Не, я вам' то озбиљно кажемъ, Тома ѣ добаръ, веранъ, пунъ чувства и смиренъ деранъ. Онъ ѣ пре четири године веру примио,

и я самъ уверенъ, да е *заиста шврдо* држи. Одъ оног' доба я самъ му све што имамъ — новце, кућу, конѣ — поверио и слао самъ га на све стране по околини, и нађо га у свачему да е точанъ, веранъ и поузданъ.”

„Има людѣи, кои не верую, да има скромни Црняца,” рече Халай, „*но я шо веруемъ.*” Я самъ купио єдног' дерана и повео самъ га съ последньимъ чопоромъ са мноумъ у Орлеанъ; ха! овог' само да сте чули, како проповѣди говори. Воистину права радость! Онъ ми е красну суммицу донео; єрѣ самъ га я купио одъ неког' човека, кои га пошто по то дати мо-раде; на нѣму самъ 600 добио. Збиля, мени се види вѣрозаконъ као нешто врло добро у Црньцу, ако е Црняцъ правый непоквареный еспапъ.”

„Но, Тома е правый, ако е игда каквог' было,” одговори другій. „Недавно слао самъ га у Цинцинатъ, да послове у место мене сврши и да ми 500 долара натрагъ донесе. „То-мо, реко му, я ты веруемъ, єрѣ я те за пра-вог' Християнина држимъ; — я знамъ, да ме обманути нећешъ. — Тома се поврати, као што самъ се и надао. Доцниє су ми люди при-поведали, како су му два ниткова говорила: „То-мо, зашто ни си побего у Канаду? А онъ имъ е одговорио: „Господаръ има у мени повере-нѣ, па зато не могу, а и нећу.” — „Право да вам' кажемъ, мени е жао да се са Томомъ раз-

ставимъ. Вы бы требали само нѣга за савѣ дугъ, да примите; и вы бы то учинили, Халаю, кад' бы само иоле савести имали."

"Я управ' имамъ толико савести, колико ма кои мога занимања човекъ може да пожертвує, — а управъ тако мало, да се зато купнемъ," рече купацъ весело; „па зато самъ готовъ, све да чинимъ само, мое приятелѣ да обвежемъ; но то бы было врло много, као што и сами видите."

Купацъ уздисаше тешко и наточи себи ипакъ пуну чашу ракиє.

"Но, Халаю, како ћете дакле заключити погодбу?" запыта Шелбій после єдне мѹка' пуне одморке.

"Но, немате ли какво момче, или девоиче, кое бы као прида узъ Тому дати могли?"

"Хмъ! — Башъ никаквог', кога бы се радо лишити мого; истину да кажемъ, ово є самопрека нужда, коя ме нагонява, да продаємъ."

Сад' се отворише врата и єдно мало квадроонско дете *) одъ четири до петъ година, уђе у собу. Кад' є оно улазило, видало се є на нѣму нешто особито дражестно и заузимателно. Црна му, као свила мекана коса висаше на подобие прстенчића око округли руп-

*) Кое има врло мало боядисане крви ($\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{16}$); рођено одъ каквог' белог' човека или Мулата са Мулаткињомъ.

чиһасты' образа; подъ густым' дугым' трепавицама прозараваху два црна ватрена и у исто време смирена ока, кад' любопытно по соби разсмазраше. Красно одело, крмезномъ и жутомъ боіомъ на коцке, брижљиво израђено и лепо намештено, узвисило є нѣгову тавну лепоту, и неко шальиво суштество увѣренности съ плаовитошћу здружено, показиваше, да є навикнутъ быо, да га нѣговъ господарь пазити и милує.“

„Хопъ, Єимъ Крове *)!“ рече господарь Шелбій, почемъ палаць о средній прстъ отисне, пружаюћи му єданъ гроздь сушака, „довати ово.“

Док' се дете напрезаше изъ петній жила' да довати награду, коя му се даваше, господарь му се изъ свег' срца смеяше.

„Оди овамо, Єимъ Крове!“ рече онъ.

Дете му се прибљижи; онъ га поглади по коврѣстой коси и увати га за брадицу.

„Єиме!“ рече му, „покажи сад' овом' господару, како знашъ лепо да играшъ и певашъ.“

Дете запева єдну одъ оны' дивльи, чудніи песама, коє су већъ у Црняца обычне,

*) Єимъ Кровъ (Яковъ Кровъ) Шальивчина Црняца; у Княжеству бы се Србиі казало: „Бая“, а иначе мудра будала.

яснымъ и єчењимъ гласомъ спроводеѣи є съ аченѣмъ и коє каквимъ смешнимъ извиянѣмъ руку, ногу и целога тѣла, све удесно по свирки.

„Честито!“ повиче Халай и баци му четвртъ ябуке.

„Сад' Ёиме! иди, као Чича Кучу, кад' га спопадне костоболя,“ рече му господаръ.

Оно съ места укочи и искриви своє витке удове детинѣ; леѣа погне и съ палицомъ господара свога у руцы стане посртати тамо и амо по соби, изеривши плачевно своє лице детинѣ, лево и десно плюцкаюѣи, као какавъ стараць.

Оба племиѣа смєяху се изъ свєг' срца.

„Сад' Ёиме!“ рече му господаръ, „покажи нам', како старый Елдеръ Робинъ псалму пои.“

Дете ужасно развуче своє округло лице у дужину и запои силно мелодию єдне псалме крозь носъ.”

„Урра! честито! то є право обєшеняче!“ рече Халай. „Право ѣоволче! Знате шта,“ повиче, на єданъ путъ, метувши руку на раме господара Шелбия, „додайте ово дериште прида и стваръ є свршена. Но, ни є ли то поштено одъ мене?“

У овом' окатренуѣу врата се полагаю отворе и єдна млада Кватерона, по изгледу могла є имати 25 година, уѣе унутра.

Довольно е было само погледати у дете, па у ню, и одма се могло знати, да е она нѣгова мати. Исто оно велико, блистающе, црно око съ дугимъ трепавицама; иста она црна кудрава коса. Подъ црноманястымъ образима нѣнымъ прозараваше црвень, па іошъ веѣма, кад' опази, да е странацъ продрзльивимъ, непрестанимъ удивленѣмъ гледи. Одедо іой е было пристойно и са свимъ згодно, да красный стасъ свой найпробитачниѣ покаже. Глатка и нѣжна рука, маюшна нога и нѣжный сплетъ была су свойства, коя се одъ оштрогъ погледа Халаѣвогъ не могоше, да сакрию, еръ онъ навикнуть беше, добра свойства што се женскогъ еспапа тиче, првимъ погледомъ да сваѣа.

„Шта е Ёлице? пыташе е господаръ Шелбій, кад' она стаде и оклевающе погледа га.

„Опростите господару, хтела самъ да видимъ, гди е Харрій,” и дете іой потрчи, показуюћи скупо добивену плячку.

„Е, па води га са собомъ,” рече господаръ Шелбій. Она узме дете на руке и брзо се удали.

„Тако ми Бога,” рече трговацъ, обрнувши се пунъ удивленя къ свомъ угостителю, „ово е честить залогай! Съ овомъ ѣете вы девойкомъ моѣи негда среѣу вашу у Орлеану учинити. Я самъ видио, да су плаѣали и више одъ тисуѣе за девойке, кое ни за длаку лепше ни су были.

„Я не желимъ да се съ нѣ обогатимъ,” рече господаръ Шелбій ладно. А да бы се разговоръ променуо, отвори онъ едно свѣже стакло съ виномъ питаючи свога госта, како му се вино допада.

„Особито господару, првог' свойства!” рече трговацъ, па руку свою поверльиво на раме Шелбія наслонивши, додаде: „Слушайте, шта иштете за ову девайку?”

„Господаръ Халаю, она ни є за продаю,” рече Шелбій. Моя супруга не бы се съ нѣомъ разстала, башъ да бы толико злата за ню добила, колико є она тешка.”

„Да, да, тако обычно жене торочу, єръ незнаю да рачуне. Само толико сатова', перя и стваріи другіи, коє имъ за украшай служе треба да имъ се покаже, колико се за претегу у злату купити може и стварь є држимъ са свимъ променѣна.”

„Я вам' кажемъ Халаю, одъ тога посла нема ништа. Я вам' кажемъ, да ништа быти неможе и притомъ остає,” одговори Шелбій са свимъ рѣшително.

„Добро, но дете ѣете ми баръ оно дати? Вы ѣете признати; да вам' я доста скупѣ плаћамъ.”

„За име Бога! на што вам' є оно дете?” рече Шелбій.

„Ето, кадъ ме пытате, право да вам' кажемъ, я имамъ єдног' приятеля, кои є овай

родъ трговине якомъ почео; потребуе деце, да ѿи на вашаръ изводи. Ово є чланакъ трговине за любительъ роскошности, као н. пр. за угостительъ или овима подобне, за богатирце, којима се новцы пресиплю, и кои ѿи блювати могу. Онај бы дечко згоданъ быо за какву велику кућу, да врата отвара и да послужи. Овај родъ трговине лепе користи приноси, а ово є мало ђаволче и онако шаливо и музикаланъ несташко, да є управъ и за мою трговину лепъ чланакъ.”

„Ја га никако съ вољомъ не бы продао,” рече господаръ Шелбій умствујући. „Ја самъ човеколюбивъ Халаю, и моя се наравъ згрожава само, кадъ помислимъ, да дете одъ матери разставимъ.”

„Хмъ! па заръ башъ тако? — Да, тако нешто само можете вы да чините. Разумемъ васъ. Понегда є досадно са женама се гложити. Такође и ја свагда мрзимъ на дреку и запевку; такво што врло є неприятно, па зато одъ како ово занимањъ ја водимъ свагда избегавамъ. Како бы было кадъ бы вы девојку за єданъ данъ или єдну недѣлю на страну послали; па зато време да на миру ово свршимо, па кадъ се она врати, све є у свомъ реду. Ваша бы ѿой госпоја могла минђуше, или нову альину, или иначе какавъ накитъ купити, и она бы се умирила!”

„Я се боимъ, да то не бы довольно было.“

„Е, Боже мой, да. Та вы знате да ова створеня ни су као бели люди; съ нѣма е лако, само треба човекъ да зна. Говори се,“ продужи Халай повѣрителнымъ гласомъ далѣ, „да овай начинъ трговине чувства затуплюе; мени баръ то ни е се случило. Но ово е зато, што я нигда одъ како овай родъ трговине водимъ, нечинимъ као неки. Я самъ видю, како су дете едно матери изъ наручия изтргли и исто продали, а мати и дете непрестано урлали су и дрекали; то е лудо, квари еспапъ, и чини га понегда за службу неспособнимъ. Я самъ єдномъ познавао у Орлеану неку врло лепу девицу, која е такимъ начиномъ са свимъ упропашћена. Оная човекъ, кои є ню купио, ни е хтео и нѣно дете, а она е была жестоке крви. Я вамъ кажемъ она пригрли дете свое къ прсима, говорила е нешто ужасно. Мене и садъ іошъ мрави пралазе, кадъ се само оногъ сетимъ. Кадъ іой дете изтргоше и ню затворише, она се зграле, побести и за неделю дана умре. На очигледъ спискаше се хиляду Долара, мой господару, само, збогъ рѣавогъ поступаня. Не, свагда е болѣ, посо човечно свршивати, то я знамъ изъ искуства.“

И трговацъ робова завали се на свою столицу, прекрсти руке съ изразомъ добродѣ-

телны' умышляя, држеѣи се са свимъ за другог' Вилберфорса*).

Предметъ видео се є, да га се яко тѣцао; єрѣ док' є господарѣ Шелбій сасвимъ за мышлѣнѣ поморанѣу люштіо, настави Халай изѣ нова и као да є силомъ истине нагонѣнѣ, іошѣ неколико речи више о том' да прослови.

„Ни є лепо, самъ себе когодѣ да фали, но я за любовь истине то кажемъ. Люди су тога мнѣния да я доводимъ свагда најболѣ чопоре Црняца. Да редко на нѣима губимъ, као што неки губе, и то приписуємъ понайвише мом' поступаню у овой раднѣи; и заиста господару мой човечество є највећій и неоторимый стубъ мога поступаня.“

Госп. Шелбій ни є знао шта да му одговори, па зато рече: „заиста?“

„Да, шта више мене су збогъ моїи идея изсмејвали и за неваляла држали. Да, они ни су за народѣ заузети, но я самъ тврдо на то држао и то є већѣ прошло, ал' ии є барѣ скупо и стало!“ И трговацѣ робова смејше се сврху свое собственне шале. Цѣо нѣговѣ разговорѣ тако є смешанѣ и само нѣму свойственнѣ быо, о човечеству лепо да говори, да се господарѣ Шелбій ни є мого одѣ смея да задржи. Трго-

*) Вилберфорсѣ є быо єданѣ одѣ највећіи то веколюбаца и за ослобоѣенѣ робова.

ваць робова побућенымъ се видио, далъ да продужи.

„Чудно є, но я немогу людма у главу уліити. Ту є было Тома Локеръ, мой старый ортакъ; онъ беше честить момчиѣ, само права сатана према Црньцыма — изъ основа, видите само, што мышляше, да се іошъ честить Црняцъ ни є родио. То є было нѣгово основоположенѣ. Но я му реко: „Е, Томо,“ „кадъ твоє служавке вичу, шта ти помаже, да іи по глави тучешъ? „Не, я недржимъ то за никакву несрећу, ако оне дречу,“ реко я; „то є нѣйма у природи,“ реко я, „па ако се природи на овай начинъ неможе да помогне, то се на другій може. Осимъ тога, Томо,“ реко я, „ты самъ кваришъ твоє девойке; оне бываю болешльиве, и тужне, а кадкадъ такође и ружне, особито оне жуте, и ѣаво да зна шта имъ іошъ недолали. „Дакле,“ реко я, „зашто іи не развеселишъ, и съ нѣйма приятельски се не разговарашъ? Ослони се на то, Томо, употреби само мало човечности, па ћешъ видити, да се далъ долази и болъ плаћа, ослони се на то,“ реко я. Но Тома се незна, у томе да нађе, и то є толико штете нами принело, да се морадо съ нѣиме да разортачимъ, и ако є онъ доброћуданъ човекъ было и трговину добро разумевао.“

„И налазите л' вы да є вашъ начинъ поступаня у вашемъ послованю пробыта-

чини, одъ Томиногъ?“ за пыта га господаръ Шелбій.

„Да Богъ ме. Вы видите, да я свуда само ако могу избегавамъ оно, што є грозно, као и пр. при продаи деце или иначе укланямъ девојке съ пута — съ очию, изъ самогъ помисла, знате л' вы то; и кад' є све већъ свршено, коє се не да променути хмъ, то онда се оне на то навикну. Вы добро знате, да ово не иде, као при белима, кои су другче одрастли, кои своє жене, децу и све при себи задржаваю. Црньцы, вы добро баръ знате бываю са свимъ нѣма свойственно воспитани; немаю се чему надати; дакле све, што подносе, подносе лакше.“

„То онда боимъ се, да и мои нису добро воспитани,“ рече гос. Шелбій.

„Чини ми се, ни су. Вы Кентукцы квари́те сами ваше робове. Вы добро мыслите, но то управ' ни є права доброта. Єданъ робъ, видите, кои се у свету потуца, часъ проданъ Томи, часъ Дику и Богъ зна іошъ комє съ такимъ не може се добро поступати и крозь прсте му глегати, и она му понятія давати, коя за нѣга ни су, єръ оно што му є пре тешко было, сад' му се тежимъ чини. Овако усубуємъ се я потврдити; шта више ваши бы Црньцы сасвимъ духомъ малаксали онде, гдѣ усѣва Црньцы (Plantagen-Neger) весело пѣваю. Свакій као што вам' є познато госп. Шелбій, држи, да є нѣгово поступанѣ найболѣ па тако исто

и я мыслимъ, сирѣчь да я съ Црньцыма онако поспупамъ као што они заслужую.“

„И заиста онай є човекъ найсрећнии, кои є са самимъ собомъ задоволянъ,“ рече госп. Шелбій слегнувши рамена са очевидно неприятымъ осећанѣмъ.

„Но,“ запыта Халай, почемъ обоица неко време ћутећи орає разбияху, „шта велите?“

„Я ћу се о ствари да промыслимъ и съ моіомъ госпомъ разговоримъ,“ рече госп. Шелбій. Па ако вы желите, Халаю, вашъ посо на мирный начинъ да свршите, то бы наиболѣ чинили, да о томъ ништа недате да се примѣти. Дознаду л' само моіи момцы, да ће се єданъ одъ нѣи да одвои, то онда неће наиболѣ за рукомъ испасти.

„Но, зацело, я ћу као рыба ћутати. Но само морамъ вамъ исповедити, да ми се 'ити, и да стоимъ, као на углѣвлю, притомъ радъ бы знати на чему смо,“ рече Халай, уставши, и горню альину свою огрне.

„Добро, а оно доѣдите іошъ овогъ вечера између шесть и седамъ сѣтин, па ћу вамъ одговорити,“ рече госп. Шелбій, и трговаць робова опраштаюћи се остави собу.

„Требало бы да самъ ову хулу низъ степене бацио“ говораше госп. Шелбій себи самомъ, кадъ се врата за нѣговимъ посѣтителѣмъ затворише. „Какво безобразно увѣраванѣ. Да ми є ко казао, да ћу я Тому єдномъ одъ

овы' бездѣльны' робскіи трговаца продати, я бы му одговорио: „Заръ є мой служитель псе-то, да я то чинимъ? А сад' ево дође време, да башъ тако буде! Па и Єличино дете такође! Знамъ даћу збогъ тога съ моіомъ господомъ страшну препирку имати, па и збогъ Томе. — Е, ал' тако є, кад' є ко дужанъ! —

Господаръ Шелбій беше доброћуданъ и приятельски човекъ, кои омлађини своіой по-нешто крозъ прсте гледаше. Онъ нигда оно непропушташе што бы благотворно за нѣгове Црньце было. Онъ є прилично, нѣговым' непромотренным' шпекулацияма, у дугъ запао, и нѣгове мѣнице одъ великог' износа налазише се сад' у рукама Халаєвым'. Изъ овога доведе саобштеног' моћи ће читатель лако на пред-ходеће заключити. —

Єлица є случайно, кад' се вратима при-блѣжила, довольно чути могла, о чему є разговоръ быо и дознаде, да се трговацъ робова съ господаромъ нѣнимъ за неког' погађа.

Она бырадо и дуже на вратима прислуш-кивала, но нѣна є госпођа зовне и она мора-де отићи.

Но ипакъ учини іой се, као да є чула да се трговацъ робова за нѣно дете погађа-ше. Можда се она вараше? Срце іой є силно куцало и грчевно дрктало, па збогъ тога и претискаше своє детенце тако силно къ своимъ

прсима, да є дете зачуѣено нѣговымъ великимъ очима погледаше.

„Єлице, шта ти є данасъ?“ запыта є нѣна госпоѣа, кадъ Єлица трпезу при коіой є обычно шила стровали и тако бокалъ съ водомъ проспе и разбиє, па онако уплашена и збунѣна, своіой заповѣдницы изъ ормана у место поискане свилене альине, спаваѣу альину донесе.

Єлица се ужасне.

„Ахъ милостива госпо“ єцаюѣи обрне очи своє горе; па после падне, заценивши се одъ плача, на єдну столицу.

„Но Єлице, дете моє, та шта ти є?“ пыташе є кротко нѣна заповѣдница.

„Ахъ милостива госпо“, одговори Єлица, „у обидницы є съ господаромъ єданъ трговаць робова — я самъ га чула.“ —

„Ты си башъ са свимъ проста — па шта є онда?“

„О милостива! представите себи само, господаръ оѣе мога Харрия да прода?“ И бедна, страшнымъ мыслима заузета майка єцала є грчевно и была є готово изванъ себе.

„Нѣга да прода? Иди лудо моя! ты баръ знашъ да твой господаръ нигда никаква посла са южнымъ торговцыма нема, а іошъ манъ да ѣе когъ одъ своіи слугу да прода, докле є годъ кои само честить. Не, ты си башъ са свимъ проста, та ко бы твога Харрия купио? Ты

мыслишъ, да є цео светъ у нѣга тако заблуженъ, као ты. Иди, убриши сузе и закопчай ми альину. Тако, айде сад' очешляй ме и начини ми лепо витице, као што си недавно научила, и у будуће не прислушкуй више на врати.“

„Добро, но вы милостива не ћете нигда дозволити, ако — ако бы.“ —

„То є одъ тебе несмысленость дете мое. Наравно, да нећу. Та шта то ты говоришъ? већь ако бы саизволила, да се єдно одъ мое собственне деце прода. Но, Ёлице, ты се заиста поносишъ съ твоимъ малимъ дераномъ. Ты држишъ, да свакій кои къ нами у кућу долази, да є дошо твоє дете да купи.“

Охрабрена рѣчма своє заповѣднице умири се. Ёлица и стане врло вешто и брзо свою госпою намештати и китити, па наипосле и сама се себи смеяти сврху свога страха.

Госпоя Шелбій беше женска одъ вышег' душевног' и нравственног' изображеня; съ природнимъ великодушиємъ, кое є госпояма у Кентуки свойственно, скопчано є было высоко нравственно, и вѣрозаконно чувство, па и строга основоположеня, кое она не само да є исповедала, већь є такође и упражнявала. Мужъ нѣнъ, кои башъ толико ни є држао на вѣрозаконность, ипакъ є почитовао и уважаво у нѣой и имао као некій видъ страхопочитаня према истомъ. Онъ іой є у пуной

мери дозволио, да она све свое благодѣтелне подвиге у обучавању и успѣвану, своіи робова што бы се на нѣново побољшанѣ и удобность односило, и ако да онѣ ту никаква уча-
частия имао ни є.

Найвећій теретъ, кой му духъ обори носис є, после оногъ разговора съ трговцемъ робова, предвидѣти нужность, да свою госпу о збывшемъ се договору мора да извести — и како да іой противстане.

Госпоѣ Шелбій, коѣ о замѣшательству у новцу своѣго супруга башѣ ништа незнаде, но само, познаваше нѣгову добродушность уобште, была є савршено увѣрена, да оно, — што іой є Ёлица казивала, сирѣчь о свомъ подозреніи и бриги утврђавала, — ни є истина. И тако у самомъ дѣлу ни є више о свему томъ мыслила ништа, а будући да є съ преправляньмъ заузета была, како да вечерню неку посѣту учини, то изчезне ова мысао, и она сасвимъ заборави.

ГЛАВА ДРУГА.

Маша.

Ёлица є врло млада у домъ своѣ госпоѣ дошла и као нѣно любимче одрасла.

Кои є по южной страни сѣдинѣны' држава' путовао, тай є зацело ону приятность, нѣжность существа и сладкій звукъ гласова' при-

мѣтио, кое є се често као особитый даръ у Квадроона и Мулатскіи жена быти види. Къ овой природной прелести Квадроона кои се єдва познаю да су одъ боядисаны' произишли, виѣа се често тако реѣи заслеплююѣа красота и найдражестнѣи крой тѣлесный.

Єличино появленѣ ни є никаква измышлѣна слика, веѣъ изъ опоминая узета, каква є заиста пре неколико година у Кентуки была, гдѣ смо є видели.

Подъ заштитомъ свое заповѣднице одрастивши, достигла є Єлица свою зрелость, безъ да є изложена была изкушенияма, коя лепоту погубителнимъ наслѣдиємъ нарочно у робиняма чине. Она є удата была за неког' угледног' и духа пуног', младог' Мулата, кои є робъ на оближиѣмъ притяжаню быо, и звао се Борѣе Харрисъ.

Овог' є младог' човека нѣговъ господаръ дао подъ кирию да ради у єдной рукодѣлницы, гдѣ онъ своіомъ способношѣу и даромъ изобретеня, као и врстношѣу у свима пословима најболѣ мнѣниє задобиє. Онъ є изнашао машину, како да се куделя чисти, изъ чега се одма познати мого, великій духъ нѣговъ, узевши у разсмотренѣ нѣгово воспитание и положение, као што є Витнеовъ быо, кои є изнашо машину, да се памукъ чисти.

Борѣе є быо красног' тѣлесног' сложения и приятног' сущтества тако, да су га уобште

сви у работници радо имали. Будући пакъ да овај мужъ предъ закономъ ни є човекъ, већъ само стваръ быо, то се є видео да є худима єдногъ простогъ, напрасногъ и суровогъ господара подвргнутъ. Кадъ є овај за славу Ђорђеву дочуо, коју є стеко изнашавши ону машину, дојши у работницу, да види и чує, пита є одъ тогъ тако разнешеногъ гласа. Господаръ работнице прими га сасвимъ приятельски и честитао му є, држећи га за срећна да є онъ притяжатель єдногъ тако вредности пуногъ роба.

Нѣга спроведу по работници, и Ђорђе покаже му машинерию; но будући да є онъ съ узхићенѣмъ о нѣой говорио, управце стояо, и сасвимъ красно и мужественно изгледао, то недопадне се нѣговомъ господару те зачну у нѣму пакостне мысли о подвржености, да букте. Како се сме усудити нѣговъ робъ, да тамо и амо слободно хода, машине изналази и међу белима и слободнима главу поносно горе да диже? Онъ га хтеде кући да води, гдѣ да оре и копа. Господаръ работнице и сви работници сасвимъ се запрепасте, кадъ онъ на єданъ путъ заиште заслугу Ђорђеву и свою намѣру изяви, да га оће кући да води.

„Но, господаръ Харрисъ,“ рекне господаръ работнице, „ни є ли то нешто сасвимъ нечаянно?“

„И ако є? — Непринадлежи ли онъ мени?“

„Мы бы радо заслугу повысили, господару.”

„О том' ни є разговоръ. Мени ни є нужде да моє люде подъ кирию даємъ, осимъ ако оћу.”

„Но онъ се види, да є за овай посо, особитог' дара.”

„Може бити; но у ономъ, што самъ му я налагао, ни є никаква дара показивао!”

„Али помyslите само, да є онъ ову машину изнашо!” примѣти єданъ одъ работника.

„Да, да; машину, да радъ уштеди, ни є л' истина? Подайте Црньцыма нека они сами раде, сви су они радъ штедећа машина. Они неће да раде. Но онъ нека копа!”

Борђе стояше као окаменѣнъ, кад' тако на єданъ путъ рѣшена бы судьба нѣгова силомъ, противъ коє, као што є знао, никакво противство непомагаше. Онъ скрсти руке, угризаше страшно устне, и само ватра горкіи осећаня пламтила є у нѣговым' грудма и разливала се у огненым' своим' струяма по нѣговым' жилама. Онъ дисаше тешко и брзо; нѣгове велике црне очи сяиле су, као разпируюће се углѣвлѣ, и мож' да бы опасный изливъ слѣдовао, да ни є приятельски господаръ работнице нѣгове се руке коснуо и лагано му шапнуо:

„Иди сад' Борђе мирно; мы ћемо пробати, да ти помогнемо.”

Зликовацъ опази шапутъ и дознаде садржай, и ако ни є речи чути мого: онъ се јошъ већма у себи разпали тиме и закључи да одъ намѣре своє неодустане, већъ своју силу надъ својомъ жертвомъ, да докаже.

Борѣе буде одведенъ на Фармъ *) и за најниже послове употребљенъ.

Колико є годъ више мого узтезао се є, да какву непристойну речъ неизусти, но ипакъ пламени погледи, намргођено чело быо є природный говоръ, кои се не даде угушити, неборими знацы, кои показую, да се човекъ не може, као *стварь* каква узети.

Борѣе се є за срећна времена, докъ є у работници радио, познао са својомъ супругомъ и съ истомъ се оженио. За ово време было му є слободно, да може ићи и доћи, будући да є нѣговъ господаръ, кодъ кога є радио, у нѣму безусловно увѣренъ быо. Женибу є госпоя Шелбій у целомъ пространству одобрила, која, као што и све жене радостне су, кадъ кога могу, да ожене ил' удаду, а нарочно госпоя Шелбій сасвимъ є задовольна была, да уда своє красно любимче за човека нѣног' станя, кои се у свакомъ смотреню за ню згоданъ видио. Они су се дакле у великой соби обитавајућег' дома, Єличине заповѣднице венчали и сама є госпоя Шелбій китила лепу

*) Добро, Мајуръ, Вакупъ.

косу невесте съ венцемъ одъ цвеѣа поморан-
це утврдивши невесте превезъ, кои заиста не
бы скоро лепшу главу украшазао. Ту е было
бели рукавица, колача, вина и гостию, кои се
лепоти невесте дивише, а доброту и госто-
прїимство нѣне заповѣднице похвальваше.
За єдну ил' две године виѣала е Ёлица свога
мужа често, и ништа іой среѣу неузнемири, до
губитакъ нѣна два првенца, коя она любля-
ше и съ таквомъ жалошѣу оплакиваше, да іой
е наипосле нѣна заповѣдница кротко пребац-
ла, да своя страстна осеѣаня ограничи уму
и вѣрозакону подвргне.

Кад' іой се малый Харрїй родио, поста-
яла е мало по мало мирнїя, и сви преѣе опе-
чалѣни живцы видише се съ животомъ ново-
роѣеног' детенцета, да се на ново подмлади-
ше, здрави и крѣпки сташе. Овако е и пакъ
Ёлица постала среѣна жена и то е траяло дон-
де, докъ іой мужъ изъ работнице не одве-
денъ беше и подъ ужасный се бичъ нѣговог'
господара неподврже.

Господаръ работнице, по обеѣаню своме
поодио е госп. Хирриса, две ил' три неделѣ
после по одлазску Борѣевомъ изъ работнице,
кад' е држао, да се е она жестина уталожила.
Онъ е сва средства унотреблявао, да Борѣа
у свой преѣашный посо натрагъ поврати.

„Немойте узалуд' речи просипати” рече го-
сподаръ Борѣевъ упорно. „Я знамъ, шта радимъ.”

„Я ни самъ мыслию да вами у томъ правила прописуемъ, но я самъ мыслию, вы ћете и сами вашу собственну користь у томе видити, ако се са мномъ погодите и вашегъ мiроба подъ кирию дате.”

„О, я се у томъ врло добро разумемъ. Я самъ примѣтио ваше мигове и шапутанѣ iошѣ оногъ дана, кадъ самъ га изъ работнице узео; но съ тимъ се нећете ништа помоћи. Мы живимо у *слободной земли* господару мой, онай є човекъ мой и я могу съ нѣмѣ чинити, шта оћу — то є тако.”

Борѣва є садъ и последня надежда исчезла, нѣму ништа неостаде, до животь скорби и пониженя, кои му се iошѣ вѣhma огорчи коє каквимъ цвеленѣмъ и безчестиємъ, коє само зликовцы знаю, да измысле.

„Найхуђий є обычай, кои се на єдномъ човеку учинити може, обесити га,” рече негда некій Правословъ. Алъ ни є: има iошѣ и горіи.

ГЛАВА ТРЕЋА.

Суиругъ и Ошанѣ.

Госпоѣ Шелбій изишла є была да свою посѣту учини, а Ђлица є стаяла на Веранди *)

*) Веранда се зове некій видъ лако покривеногъ ходника око куће; видъ алтана.

замышлена, гледаючи одлазећа кола, кад' ал' неко јој руку на рате мету. Она се окрене и радостно смешенъ разведри јој лице.

„Ты си Борђе? Како си ме поплашио! Ала се радуемъ, што си дошо. Госпоја се извезе и можда цело после подне доћи неће; зато айдемо у мою собицу гдѣ нећемо узнемиравани бити; мы имамо доволно за насъ времена.

Говорећи ово, повуче га у своју малу чисту собицу, која на Веранду излазаше и гдѣ њ она кад' њ шила имала обичај да седи, како бы гласъ своѡ госпоѡ чула.

„Како самъ задовольна!“ настави она. Та зашто се не смешишъ? Само погледай Харрија, како одъ дана на данъ све ячи бива!“

Дете се увати за скутъ одъ альине майке своѡ, и гледаше уплашено отца исподъ кудраве косе своѡ. „Ни ѡ ли пунъ дражести?“ рече Ђлица згладивши му косу съ лица и полюби га.

„Я бы волео, да се никако ни родио ниѡ,“ рече Борђе горко. „Па и самъ, камо срећа, да се ни самъ родио!“

Ђлица сва претрне одъ стра, наслони главу свою на раме мужа свога, и стане плакати.

„Ахъ, Ђлице, ово ѡ одъ мене ружно, да ти яде причинявамъ, ядна девойко!“ рече онъ разнѣжено; „врло ѡ рѣаво. Ахъ, камо срећа, да

ме нигда ни познала ни си, — те бы можда већ до сад' срећна была!"

„Борђе! Борђе, како можешъ тако да говоришъ? Та шта се е тако ужасно догодило, или ће се тек' да догоди? Я држимъ, да смо до сад' сасвимъ срећни были?"

„Ты имашъ право, срећни смо были Любезна," рече Борђе. За тым' узме дете свое на колено, погледа му у бистро, црно око, и поглади га рукомъ по дугимъ кудрама.

„Сасвимъ твоє лице, Ђлице, а ты си најлепша жена, какву до сад' видео ни самъ; најболя, какву самъ желио да видимъ; па опетъ, ахъ! да те ни самъ и да ме ни си познала."

„Ахъ, Борђе, та како можешъ?" —

„Ђлице, несрећа е ово велика и бѣда! Мой е животъ као пеленъ горака; тѣлесне ме силе оставляю. Я самъ сирото, бедно, остављено животно, само товаръ да носимъ опредѣлено. Та за чим' тежимо, ако ма што и како да радимо, ма што да знамо, да нешто будемо? На што нам' е животъ? О! та болѣ бы было да самъ већ до сад' подъ земљомъ!"

„Ахъ, любезный Борђе, то е сасвимъ нешто рђаво! Та я съ тобомъ заєднички чувствуемъ, како ти е, што си твоє место у работницы оставити морао, и што е твой господаръ тако опакъ. Но я те преклинѣмъ, буди стрпеливъ и можда ће се јошъ све на болѣ окренути.

„Стрпелливъ!“ пресече ѿой онъ речъ, „ни самъ ли стрпелливъ бую? Да л' я и єдне рече прослови, кад' оно онъ дође и мене безъ икаквог' узрока оданде одвуче, гдѣ сви любовни према мене быше? Я самъ верно и поштено савъ доходъ заслуге мое плаћао и сви казаше, да самъ добро и ревностно радио.“

„Да, то є сасвимъ ужасно,“ рече Ђлица, но онъ є твой за сад' господаръ, као што и самъ знашъ.“

„Мой господаръ! А ко га постави за мог' господара? То є управъ, о чему я разсуђуємъ! Има ли онъ право, мене да притяжава? И я самъ исто тако човекъ, као и онъ; па шта више врстнии човекъ и одъ нѣга; па и способнии човекъ, одъ нѣга; я се разумемъ више у послу, одъ нѣга; я болѣ разумемъ домостроителство, одъ нѣга; я лепше и пишемъ одъ нѣга. — Я самъ се у свему овомъ самъ учио и нѣму зато немамъ ништа да благодаримъ; я самъ све ово и ако ми є много коешта на путу стояло, па и против' нѣгове вољѣ научио; — какво право има онъ, да мене као коня у тальиге преже? — Мене одъ оног' посла да одвуче, кои я разумемъ, и болѣ нег' онъ, а оне да извршуємъ, кое свако марвинче чинити може? Онъ вели, онъ ће ме укротити и навалично принудити, да найтеже, најподлиє и найгадниє послове извршуємъ.“

„Ахъ, Борђе, Борђе, ти ме плашишъ. Я те до сад' јошъ нигда нечу, да тако говоришъ. Я се боимъ, да што ужасно неучинишъ. Я се више нечудимъ твоим' осећаима, но — ахъ — буди предосторожанъ; та буди баръ мене и Харрия ради.“

„Я самъ предосторожанъ, я самъ стрпеливъ быо, но све є горе и горе; — ово се већ више неможе подносити. Онъ гледа сваку прилику, само да ме цвели. Я самъ мыслио, да кад' мой посо свршимъ, да љу мало времена имати да читамъ и да се јошъ што поучимъ; но што я више радимъ, то ми онъ све више и више товари. Онъ вели, и ако се я неизяснявамъ, да онъ ђавола у мени види, но онъ ће га вели изтерати, и скоро ће га изтерати, но на онај начинъ, кои му се заиста не ће допасти, осимъ ако се я страшно варамъ.“

„Ахъ Борђе, шта да радимо?“ запыта га Ђлица жалостно.

„Управ' јуче,“ рече Борђе, „кад' самъ каменъ на тальиге товарио, стояше младый господаръ Тома и швићкаше съ бичемъ тако бльизу, да се є конь трзао. Я самъ га молио сасвимъ приятельски, да се окане, но тек' онда поче јошъ яче да нуца. Я га замолимъ и опетъ, а онъ се окрене къ мени и ошине ме.... Я га уватимъ за руку, а онъ стане дрекати и одчупа се одъ мене, отрчи отцу жалећи се да самъ га я туко. Отацъ му дође као бесанъ

и рече, да ће ми показати, ко є мой господаръ, затымъ ме привеже узъ дрво, насе-че пруѣа и да младомъ господару и рече му, да ме туче дѣкъ му є воля. И то є онъ све чинио! Но онъ ће зато већъ кияти!“

Чело се Ђорђево намргоди, а очи му пламтише, некимъ изразомъ, одъ когъ нѣгова млада супруга дрктати стане.

„Ко є нѣга моимъ господаромъ учинио, што є, што бы я-рая знаши,“ рече онъ.

„Я мыслимъ, да свагда момъ господару и мојой госпои покорна быти морамъ, иначе ни самъ никаква Христянка,“ одговори жалостно Єлица.

„Съ тобомъ є друго; ты си кодъ нѣи као нѣново дете одрастла, они су те ранили, и одевали; они су промотрени, благи према теби были, дали су ти добро воспитанѣ, збогъ чега и имаю право надъ тобомъ. Но мене ганяю, бию, срамоте, а што знамъ самомъ себи могу благодарити. Дакле чимъ ме є обвезао? За све што ми є до садъ дао, стоструко се наплатио. Већъ га више немогу, да сносимъ!“ повиче и песницу гнѣвљиво стисне.

Єлица є дрктала и ѣутала. Она га јошъ нигда тако разлюѣена видила; ни є, па зато є блага душа нѣна претрпила болно изливъ страсти нѣгове.

„Ты баръ познаєшь бедногъ малогъ Карла когъ си ми послала?“ настави Ђорђе далѣ.

Ова ми е бѣдна стварка была єдина моя утѣха. Онъ спаваше ноћу кодъ мене, и ишо є поцео данъ свуд' са мномя, и погледао ме є тако мудро, као да є разумевао ѿсећаня моя. То є све добро, ал' ту пре дао самъ му мрве, кое самъ предъ куйнским' вратма нашо, да єде, случайно господаръ дође и рече, да му я трошакъ чинимъ и да онъ неће да трпи, да и Црняцъ псето држи, па ми заповеди, да му каменъ о вратъ вежемъ и у потокъ га бацимъ.“

„Ахъ, Борђе, ты вальда ни си учинио?“

„Учинио? — Я ни самъ, но онъ є. Господаръ и Тома бацише бедно животно съ каменомъ о врату. Оно ме є сироче погледало жалостно, као да є хтело да каже; зашто ме неизбавишь? Мене тукоше зато, што нехтедо псето да утопимъ. Мени то ништа нечини, но господаръ ће видити, да ме бой прищитомити неможе. Но заръ ће и моя врба грожђемъ родити.“

„Шта ћешъ годъ да радишь? Ахъ Борђе, само немой ништа зло. Имай надежду на Бога, чини оно што є право и онъ ћете избавити.“

„Я ни самъ одъ оны' Християна, одъ коїи си ты, Ёлице; мое є срце пуно чемера; я се не надамъ одъ Бога ничему; єрь зашто, да онъ допушта овако што?“

„Ахъ, Борђе, мы треба да вѣруємо.“ Госпођа вели: „И ако насъ непрестанно несрећа

гони мы не треба, да очаявамо: ерѣ Богъ све на добро окреће.“

„Тако могу лако они люди да говоре, кои на межимъ простиркама седе, или се у лубурама возе; но да су они у мојој кожи, то бы имъ се іошъ и горе вишло. Я самъ радъ, да самъ добаръ, а іъ шта ѣу, кадъ ми є срце раздробљено, и никако се немогу съ моіомъ судьбиномъ да задовољимъ. И ты не бы могла, да си на момъ месту; па и садъ не бы могла, кадъ бы само све знала, што бы ти имао, да кажемъ.“

„Та шта бы іошъ могло да буде?“

„Недавно рече господаръ, онъ бы права луда быо, кадъ бы ми допустио, да самъ на страни изванъ нѣговогъ добра оженѣнъ; онъ мрзи на господ. Шелбія и цѣлу нѣгову родбину, као баяги зато, што су они поносити и желе се надъ нѣимъ узвисити; притомъ рече, да самъ се я понео збогъ тебе и да си ме ты на то научила, па зато, да ми више допустити неће, да овамо долазимъ, већъ да жену узмемъ и да на нѣговомъ добру живимъ. Изъ почетка є само мумляо и зипарао, но юче рече ми, да я морамъ Мину за жену да узмемъ и у єдној колеби съ нѣомъ да живимъ, другче ће ме низъ воду да прода.“

„Та насъ є свештеникъ венчао, онако исто, као што се и бели венчаваю,“ рече Єлица незлобно.

„Ахъ! заръ незнашъ, да се робъ несме венчати? У овой земљи нема зато законъ. Я те немогу, као мою жену задржати, ако насъ онъ оће да разстави. То є управъ збогъ чега радиі бы быо, да те нигда ни видио — да се ни родио ни самъ; камо лећа за насъ обоє, камо срећа за ово бедно дете, да се ни родило ни є. Ово исто може и нѣга негда постићи.“

„Ахъ, нашъ є господаръ врло добаръ.“

„Єсть, но онъ може умрети, и ко зна, коме ће наше дете продато быти. Каква є радость за насъ, што є красно и паметно? Я ти реко, Єлице, свака добрина на твоѣмъ детету, срце ће ти тимъ више цепати; и знай да ће те скупо стати.“

Ове речи падну на Єличино срце, као найтеже олово; обликъ іой робскогъ торговца изађе предъ очи; она побледи и немогаше да дише, као да іой є ко смртоносный мачъ у срце забо. Она погледа уплаилено у Веранду наполь, гдѣ се дете забавляше, — єръ му се нѣиовъ разговоръ озбилянъ видио, — яшеи на палицы господара Шелбія. Она хтеде своѣмъ мужу да саобшти, одъ чега се є бояла, но ипакъ се уздржи.

„Не, не,“ помыслила є, „бедномъ є момъ“ мужу и онако доста. Не, нећу му ништа да кажемъ; а шта више, то быти неможе, єръ ме госпоя нигда преварила ни є.“

„Дакле, Ђлице,“ рече јој мужъ жалостно, „тѣши се и буди здрава, ерѣ я одлазимъ.“

„Ты одлазишъ Борђе? — а куда?“

„У Канаду,“ рече онъ, ободрavajuћи се, „и кадъ тамо дођемъ, гледаћу да те одкупимъ, то е јошъ једина надежда, која намъ остае. Твој е господаръ добаръ, који се неће узтезати, да ми те прода. Ја ћу тебе и дете да искупимъ; Божијомъ помоћу надамъ се да ћу то моћи.“

„Ахъ, тешко нами, ако уваћенъ будешъ.“

„Мене уватити нећею, Ђлице; прећу умреши! Ја ћу се ил' ослободити, или умрети!“

„Валда се нећешъ самъ убити?“

„То неће нужно бити, они ће мене доста наскоро убити; ерѣ ме жива низъ воду одвући нећею.“

„Ахъ, Борђе, буди мене ради промотренъ! Немой ништа зло да чинишъ, немой самъ противъ себе руку да дижешъ, или ма противъ кога човека. Ты ћешъ страшно искушаванъ бити; но ипакъ немой то чинити. — Ићи морашъ, ал' иди промотрено и мудро; моли се Богу, да насъ одъ ове напасти избави.“

„Дакле Ђлице, саслушай мою намеру. Господаръ е себи то у главу метуо, да ме овамо пошлѣ, съ билетомъ на господара Симеса, који једну миљу на оној страни живи. Ја држимъ, онъ се за цело надао, да ћу я овамо доћи, да ти кажемъ како ми е. Онъ налази у

томе радость, кад' себи представи то, да се „Шелбинъ народъ“ као што га онъ называ, цвели. Я идемъ сад' кући онако, као да є већъ све заборавлѣно. Я самъ већъ уредио све и я се познаємъ съ людма, кои ће ми помоћи. За єдну неделю дана већъ љу быти између *прокляши*. Моли се Богу за мене Єлице; можда ће ти Богъ молитву примити.“

„Тако дакле, моя возлюблена жено съ Богомъ,“ рече Ђорђе, држећи Єличину руку и позадуго іой у очи гледаюћи. Ђутећи стояли су; затым' слѣдовало є неколико речи, уздисая, горкіи суза и растанакъ онакавъ, какавъ само може быти, гдѣ надежда пакивиѣеня ни є яча одъ паучине — а мужъ се одъ жене свое ра-
стає.

ГЛАВА ЧЕТВРТА.

Єдно вече у Чича-Томиной Колеби.

Чича-Томина є колеба была нека мала чатр-
ля, убльизу поредъ „дома,“ као што имаю обы-
чай Црньцы обыталиште свога господара да
називаю. Предъ ньомъ є была красна градини-
ца, у коіой є сваког' лета было ягода одъ сва-
ке руке и мложина воћа и прозябения око
ког' се брижљиво старало. Цѣла предня страна
колебе покривена є была шаренимъ ладолежомъ

и некомъ домаћомъ месечаркомъ ружомъ, кое є тако єдно съ другимъ уткано было, да се є єдва и трагъ неотесаны' балвана видити мого, изъ коїи є колеба начинѣна была. Такоѣ се овде ле-ти видити могло и различног' другог' шареног' цвећа, кое красотомъ своіомъ срце Тета-Клоино радошћу испуњаваше.

Айдемо у обиталиште. Вечера є прошла и Тета-Клоя, као врховна куварка, која се за све старала, заповедила є нижим' куйнским' званичницима, да се све очисти и у редъ свой доведе, а она међутимъ справляла є и сама за „свог' шарца“ вечеру. Зато нетреба сумњати да ни є она была, која се є око огњишта съ прженѣмъ и варенѣмъ занимала. Была є округлог', црног', светлеѣег' се и тако глатког' лица, као да га є беланцетомъ намазала. Нѣно угоєно лице, кое є чалмомъ покривено было, показивало є да є она са свимъ задовольна была, а видити се могло и то, да є као нешто и на себе држала вальда збогъ тога, што є за прву куварку у цѣломъ сусѣдству признана была.

Па она є и была у самом' дѣлу куварка. Све кокоши, ћуркови, патке и остала пилѣжь, плашила се, како имъ се она приближаваше, као да су предчувствовали смрть свою, а тако є и было, єрѣ она непрестанце' мышляше о пецыву, надеваню и прженю. Прою, као што є она знала различно, да направи, было є за све, одъ манѣ способности куварке не описано

чудо. Она се сва одъ радости и поноса тресла, а нарочно тресоше іой се доброугоєне побочне стране, кадъ приповедаше, како се неке узалудно упиняху, да до оногъ степена знаня дођу, на комъ се она налазаше.

Ништа іой милиє ни є было до то, кадъ бы видила да су страни у домъ дошли; єрѣ є напредѣ знала, да ће она, као куварка за свой поса похвалѣна бити.

Управъ садъ заглéдала є Тета-Клoя у таву, гдѣ ћемо є у приятномъ нѣномъ занимању да оставимо, докле описаніє колибе несвршимо.

У углу єдномъ видио се као снегъ белимъ покриваломъ застрѣтъ креветъ и поредѣ истогъ ћилимъ знатне величине. Како съ креветомъ и ћилимомъ, тако и съ цѣлимъ угломъ уобште, видило се, да се є съ особитимъ вниманиємъ поступало. Овай є угаль быо украшай колебе. У другомъ углу видио се такође креветъ, но много удесни, по свой прилицы, кои є за употребляванѣ опредѣленъ быо. Дуваръ надъ огньиштемъ у крашенъ є быо некимъ иконама изъ светoга писма, као и сликомъ генерала Вашингтона, сврху кое бы се овай юнакъ запрепастио.

У єдномъ углу на незграпно отесаной клупи седише два вунасте главе дерана. Очи имъ црне и сѣйне быяу, а образи пуни и светли. Они забавляше мало неко дете, кое се отимаше, да иде, но као што бива за мало се

на ногама задржи, па онда се залюля и на земљу падне, чему су се она двоица смејали и у руке плѣскали.

Трпеза є нека трошна, застрта трпежњакѡмъ къ ватри привучена была на којој су шарени танѣири поставлѣни были са јошъ другимъ потребама за предстоєћу вечеру. За овомъ є трпезомъ седио Чича-Тома, најболѣй служитель господара Шелбія, кога ће обликъ читателѣи видити, єрѣ є онѣ управѣ предметъ и јунакѣ ове повѣсти. Онѣ є быо великии и широкии плећа човекѣ; при томѣ здравогъ сложенія тѣлесногъ и особите црњине. Онѣ є быо прави африканскии чертии у којима се мого видити изразѣ озбиљности и разума здруженѣ съ благошћу и доброхотношћу. У нѣму є лежало нешто, као да є самѣ себе чествовао и уважавао; а при томѣ искренна и повѣрителна простота и учтивостѣ.

Онѣ є у овомъ окатренућу јакѡ занятѣ быо тиме, како да на некој предѣ нѣимѣ бывшой таблици више писмена преглѣда и преписує. Ту се деси и младии нѣговѣ господарѣ Ђока, неко красно дете одѣ тринаестѣ година, кои му се за учителя наметне.

„Не тако, Чича-Томѡ, немѡй тако,“ рече онѣ брзо, кадѣ є Чича-Тома трудно репѣ одѣ дхтеѡ да повуче; „немѡй тако: то є у.“

„А, тако!“ рече Чича-Тома, гледајући зачуђено, како нѣговѣ младии учитель съ особи-

томъ лакошћу више писмена *д* и *у* за нѣгово поученѣ написа. Затимъ онъ узме држакъ (Griffel) нѣговымъ дебелимъ и крутимъ прстима, па почне стрпелливо изнова да пише.

„Како белима свашта лако одъ руке иде,“ рече Тета-Клоя, посматрајући съ пунимъ поносомъ младогъ господара Боку. Вы већъ знате да пишете, па и да читате; дођите свакогъ вечера къ нами, да намъ што читате; али штогодъ лепо и забавно!“

„Али Тета-Клоіо,“ рече Бока, „я самъ лепо гладанъ, што башъ ни є тако забавно; ни є ли колачъ већъ готовъ?“

„Одма ће бити готовъ господаръ Бока,“ рече Тета-Клоя покваренимъ нарѣчиємъ Црняца, почемъ поклопацъ одигне и колачъ погледа; лепо є поруменио. Овако што, само я знамъ! Госпоја є ту пре некій данъ заповедила Салики да колаче прави; но я немого очима да гледимъ, да се оно што є добро кварі; зато реко идите одатле! Колаче є сасвимъ препекла, безъ свакогъ кроя, као ево ова моя ципела.“

Говорећи Тета-Клоя о неспособности Саликиной, дигне поклопацъ са кроя одъ колача и покаже дѣло свое умѣтности, чега се не бы никакавъ колачаръ (слаткопекъ) стидио. Ово є управо по видимомъ была цѣла гостба нѣна, па зато се садъ стане Тета-Клоя живо тамо и амо по соби освртати.

„Одлазите съ пута, вы Црньцы, ты Мой-сило па и ты Петре. Уклони се Полій, чедо мое, майка ће и теби већ нешто дати. Де, господарь Боко, спремите књиге ваше, па седите до мог' старца, и само докле скинемъ роштиль, одма ћу вам' прву кришку на тa-њирь вашъ метути.“

Вы сте хтели Тета-Клоію, да я идемъ и горе у кући вечерамъ“ рече Бока, „но ништа зато я самъ у том' већ вештъ, я знамъ.“

„Тако, вы знате, злато мое,“ рече Тета-Клоя, трпајући му пушеће се колаче на тa-њирь. „Знате, да стара Тета оно што є найболѣ за васъ на страну оставля. О, идите Бога вамъ.“

Затым' га гурне приятельски у страну, па опетъ оде къ ватри.

„Сад' ћемо по колачу,“ рече господарь Бока и замане великимъ ножемъ по вопросномъ предмету.

„Богъ васъ помого, господарь Боко!“ повиче Тета-Клоя и увати га, некомъ особитомъ озбиљношћу, за руку : „та вальда нећете тимъ великимъ тешкимъ ножемъ сећи? Ако га наслоните то ћете покварити тако красну надимачу!“ (Auf!auf). „Ево найдте за тай посо старый танкій ножъ. Овай є ножъ оштаръ, драго дe-те мое, видити само, да є лакъ као перо. Сад' єдите, немойте ни да жваћате — само се у усти топи!“

„Линколнъ Тома каже,“ рече Ђока съ пунимъ устма, „да е нѣнова Ђйна боля куварка одъ тебе.“

„Линколини неразуму ништа,“ рече Тета-Клоя маловажно; према *нашимъ* господарма. Я ѿи почитуемъ, алъ шта е вайде, кадъ незнаю шта е дично и честито. Айдъ нека седне господаръ Линколнъ поредъ господара Шелбія; о Боже! или госпоя Линколнъ, и да ли бы она умела онако по соби иѣи, као моя госноя? вы вальда веѣъ знате, величествено, — О, идите молимъ васъ. Неговорите ми ништа о нѣима.“ И Тета-Клоя подними се, као, кадъ некій оѣе да покаже, да много разуме.

„Алъ, ты си и сама казивала, да е Ђйна, валяна куварица,“ рече Ђока. „Може быти,“ рече Тета-Клоя, и да самъ я то казала. Да валяна, проста ела скува, да лебацъ добро умеси, то уме Ђйна, али, о, Боже! што се више умѣтности у 'овой струцы тиче, шта зна она? Да, и они праве Паштете, то се зна, алъ какве? — Окореле? Може ли она да направи Паштету, па да се у усти разягли? Я самъ тамо была, кадъ се е удавала господична Мара, и Ђйна ми е показала нѣне Паштете, кое е за сватбу правила. Вы знате, да самъ я добра приятельица съ Ђиномъ. Я ѿошъ нигда ниште казивала ни самъ; алъ идите Бога вамъ господаръ Ђоко. Я не бы читаву неделю дана спавати могла, кадъ бы нѣне Паштете,

као ове были. — Ёйнини Паштете ни су ништа.

„Я бы реко, да се Ёйна исто тако за способну држи,“ рече Бока.

„Држите л' єи вы?! — Право, да вам' кажемъ, Ёйна ни є крива, што *ништа не зна*. Нѣнъ господаръ и цѣла породица нѣгова, ни на што непазе. Па зато она сирота ни є крива. Ахъ, господаръ, Боко, та вы не знате, какве отличности имате!“ При овым' рѣчма уздане Тета-Клоя и уплаилено на све стране погледа.

„А што се тога тиче я самъ увѣренъ Тета-Клою,“ рече Бока „да се я отликуемъ, у разумеваню Паштета и Пудлинга. Пытай само Тому Линколна, да л' га я ненадговоримъ свагда, кад' се съ нѣмѣ наѣмъ.“

Тета-Клоя завали се у столицу и зацени одъ смея тако, да є Бока зацело о себи мыслио; да є онъ нека особита оштроумна глава, кад може друге до тог' степена да засмее, да имъ сузе на очи ударе.

„И тако вы рекосте, да сте Тому надговорили? Ахъ господаръ Боко, та вы бы и мртва насмеяли!“

„Да, я му реко: е, мой Томо, ты треба само да видишь; како Тета-Клоя Паштете прави; оно су праве Паштете.“

„Ахъ штета!“ продужи Тета-Клоя, „штета, што Тома незна,“ и видало се, као да є неку

бѡлю на срцу осећала збогъ Томиногъ незнанства. „Вы сте требали, господ. Боко да га позовете да дође и ѿде; то бы одъ васъ честито было. Но вы знате, господаръ Боко, да нигда друге збогъ тога, што отличности никакве немаю нетреба да изсмејавамо! Само то треба свагда предъ очима човекъ да има, да све што знамо и имамо одозго да долази, тако незабораваляйте нигда ово!“ рече Тета-Клоя са свимъ озбиљно.

„Добро, я већъ мыслимъ, да ово дана Тому позовемъ,“ рече Бока. „Тета-Клою, гледай дакле шта ћешъ радити, ал' тако, да се онъ чуди и нека се наѿде за двоицу.“

„Да, да, за цело,“ рече Тета-Клоя узклицавајући!

„Вы ћете видити господару, да ће се онъ дуго сећати нашегъ ѿла. Сећате л' се јошъ оне гостбе, којомъ смо почастили генерала Ђнокса? Умало што се ни самъ тада съ госпођомъ завадила. Я управо незнамъ шта оћею овда и онда госпе. Мене потребую и за свашта морамъ я да одговарамъ, па и опетъ се оне оће да мешаю у моѿ послове. Я самъ ѿ напоследку разлютила и рекла самъ неповольно: госпо! погледайте ваше беле и нѣжне прсте, сяѿе прстенѣмъ, кои су као кринъ на комъ капля росе сѿи, а погледайте моѿ незграпне дебеле руке. Но не мислите, да ѿ мене господъ за куйнске послове, створио, а васъ у соби текъ да седите? Да я

самъ управо ово у лютини изрекла господаръ Боко.“

„А шта є казала мати?“ питаше Бока.

„Како! шта є казала? Она ме є смешени се погледала нѣнимъ великимъ, лепимъ очима и рече: „Дакле, Тета-Клоіо, я држимъ ты право имашъ. Она бы ме требала, да удари по глави, што самъ тако горопадна была; но тако є: мени неиде ништа одъ руке, кад' видимъ украшену госпу у куйни.“

„А, ты си тада ономъ гостбомъ осветла-ла образъ,“ рече Бока.

„Да л' є истина? Я самъ онай данъ стояла за врати обѣднице. Я самъ видила моимъ очима, да є трипутъ генералъ пружао таньиръ за Паштету и да є казао:

„Знайте, за цело госп. Шелбій да имате особитог' кувара.“ — „Господару, я самъ се заиста понела, кад' самъ ове речи чула.“

„И генералъ є знао, шта то значи кувани,“ настави Тета-Клоя, почем' се гордо исправи. „Генералъ є врло красанъ човекъ. Онъ є одъ неке знатне породице у старой - Виргиніи! Онъ зна шта є добро. Да, за сваку Паштету треба зачина, но каквог' и колико? Генералъ зна, ал' и я знамъ.“

Младый господаръ Бока, као и свако дите, кад' се наєде, ни є мого ни залогая више да узме, већъ є посматрао вунене главе и светлеће очи на страни стоєћи гладны' Црняца.

„На! Мойсילו и ты Петре,“ рече онъ, пружаюћи имъ замашне залогає; Оѣте л' іошъшто? Айде Тета-Клоіо, изпеци имъ кои колачъ.“

Бока и Чича-Тома одоше, и посадише се у угалъ оцака, а Тета-Клоя часъ є пунила уста свог' найманѣг' дѣтета коє є на рукаха држала, а часъ своя, часъ пакъ давала є Мойсилу и Петру подобре залогає, кои се подвукосше подъ трпезу, да тамо єду и оно мало детенце овда и онда несташно за прстиѣе ножневуку.

„Одлазите!“ викаше мати удараюћи по трпези, подъ коіомъ се жуборило. „Заръ не можете мирни бити, кад' долазе бели люди да васъ посѣте! Заръ мирни, неѣте да будете? Ил' се болѣ владайте ил' ѣу васъ по одлазку господара Боке затворити.“

Шта є она съ овомъ ужасномъ претнѣомъ хтела да каже, тешко се може разяснити; доста то, да они мали ѣаволани ипакъ мировалини су.

„Не, не,“ рече Чича-Тома, „те се лудости нѣима не могу опростити.“

Сад' се извукосше деца исподъ трпезе, коіи лица и руке были су умазане шеѣеромъ, па почеше оно мало дете цмахати.

„Одлазите! рече мати, одбияюћи натрагъ нѣиове вунене главе. „Та вы сте се умазали. Одлазите и умите се.“ Ово є она говорила съ некомъ опоменомъ, коя є ужасно єчала; но децацы непресташе одъ смей, а она іи на полѣ изюри, гдѣ текъ на ново почеше да вичу.

„Да л'сте јошъ гди видели тако рѣаве деце?“ питаше Тета-Клоя, утирући некомъ мокромъ крпомъ лице свог' на сили детета; и кад' се детету лице засия, посади га на крило Чича-Томино, а она стане све уредъ поставлати. За време свега тога дете є оно мало на сиси Чича-Тому часъ за носъ вукло, часъ по образу га миловало, а часъ мастне своє ручице у нѣгову вунену косу укопавало; и ово се Чича-Томи допадало.

„Ни є ли ово красно девојче?“ рече Чича-Тома, почемъ дете према себе управце држаше, да є посматра. После є узме на кркаче и стане съ нѣоме скакати и играти, а Ђока међутимъ стане га марамомъ вияти и тући. Мойсило пакъ и Петаръ дођоше и му-мљали су као медведи и за нѣима трчали докъ најпосле Тета-Клоя на нѣи неповиче, да јој сва глава одъ вике зазуи. Но будући да се є ово свакиј данъ догађало, као што є и сама признала, то они ни у дулведу,*) већъ продуже своє веселѣ дотле, докъ се неуморе и сити навичу и наскачу.

„Но, сад' є већъ доста,“ рече Тета-Клоя, која некакву грдну орманину за спаванѣ извуче, „айде Мойсило и ты Петре, вуците се овамо;

*) Дулве ду, у обычномъ говору, као: я говоримъ, а онъ ни у дулведу; или я говоримъ, а онъ и нешуменя.

єрѣ оѣмо сад' да држимо скупштину (Meeting-Mihting).

„Ахъ, мати, мы ни смо дремльиви. Та и мы бы седили при скупштини. Скупштина є нешто лепо. Нами се допада.”

„Немой, Тета-Клоіо,” рече господарѣ Бока, „тури га унутра,” а притоме яко и самъ одапре ногомъ и ону незграпну орманину одтури.

Сад' се присутствуюћи преобрате у одборъ, и чинише наредбе за скупштину.

„Я не знамъ шта ѣмо за столице ради-ти“ увераваше Тета-Клоя. Будући пакъ да се у колеби Чича-Томиной ни є скоро скупштина држала, то се могло надати, да ѣе се ова забуна збогъ столица, уклупити.

„Старый є Чича-Петарѣ ове неделѣ сломіо обадве ноге одъ оне найстаріе столица,” примѣти Мойсило.

„Оѣешѣ иѣи? Я бы се опклала, да си є ты пребіо,” рече Тета-Клоя. „То є твоє масло.”

„Она ѣе веѣъ моѣи стояти, ако се на дуварѣ наслони,” рече Мойсило.

„То онда несме више Чича-Петарѣ на нѣой седити, єрѣ се онѣ све єднако люля и помиче кад' пои. Тако се є помицао ту преѣе по свой колеби,” рече Петарѣ.

„О благо небо, то дакле управ' онѣ треба на нѣой да седи,” рече Мойсило, „кад' започне да пои: „*Придише свяши и грѣшници, услы-*

шаши падениѣ мое! — и потомъ нек' се предметне.“ — Говореѣи ово Мойсило, маймунски є сасвимъ подражавао старомъ Чича-Петру, кои є крозъ носъ пою и люсне на землю да јошъ веѣма увелича позориѣ.

„Вуци се овамо, па буди пристоянъ!“ рече Тета-Клоя. „Срамъ те было!“

Но Господаръ Бока смеяо се, па рече: „Мойсило є права шальивчина.“ И тако видало се да сва опоминаня майчина ништа непомогоше.

„Но, Старче,“ рече Тета-Клоя, „доваляй бурадъ.“

Међутимъ доваляю се два празна бурета преко кои се даске мету и тако се преправе за скупштину учине.

„Господаръ Боко, вы читате врло лепо, єл' да ѣте кодъ насъ остати и читати намъ;“ рече Тета-Клоя.

Бока радо саизволи; єръ дете нѣгову година на свашто є готово, а особито на оно, што му неку важность дає.

Соба се за тильй часъ напуни лицама старимъ и младимъ, мушкимъ и женскимъ. Сад' започне безазленный жуборъ о различнимъ предметима, као: Одкуда старой Тета-Салики ново црвено главе покривало, и како є то могло да буде, да госпоя да Ёлки мусулинску на бобице альину, и како є, на ту мысао дошао господаръ Шелбиѣ, да мрко ждребе ку-

пи, коє ће притяжаніє, изредношћу своіомъ да увелича.

Неки одъ дошавшии на посѣту, были су одъ у облыжности живећии породица, кои су дозволенѣ добили, да могу у скупштину доћи. Они су различите гласове донели, о догађаима њиовы' обиталишта кои су гласови исто онако съ нестрпелливошћу саслушавани, као што то бива, кад' се какве новости у вишшым' круговима слушаю.

После неког' времена почне се пояти, и сви су присутствующи очевидно узхићени были. Ту ништа не сметаше, пояню овомъ, пани они, кои су крозъ нозъ пояли. Речи, коє се кадкадъ чуше были су изъ обштепознаты' црквены' Химна, коє се у томошњым' црквама пою, а кадкадъ чуше се дивлѣг' и не са свимъ опредѣлительног' свойства. Страна една, коя є съ великомъ силѣмъ пояла, была є ова пѣсма :

На бойномъ полю умрети,
На бойномъ полю умрети,
Благо моіой души.

Друга страна опетъ пояла є: „На рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ“ На онда Ірмосъ: „Свѣтися, свѣтися, новый Єрусалиме!“ и ово є највећма на чувство Црњаца дѣйствовало.

Различна советованя и приповеданя о чинѣнымъ већъ опытима уткана су была съ пѣ-

ніємъ. Седоглава баба, коя већъ одъ вайкаде за никакавъ посо не беше моћна, стояла є наслонивши се на штале, па є говоила:

„Добро, децо добро! я се врло радуемъ, да васъ све іошъ видимъ и да ћу у *славу* *) да поћемъ; ево я самъ децо готова; я чекамъ, мой є малый завежляй спремљѣнъ и само еану на главу, па као да ћу накола, коя имаю доћи овда и онда ноћу чини ми се, као да топоть коньскій и зврктанъ точкова чуемъ, па зато више пута задуго іи ноћу изгледамъ. И вы такође децо моя, треба да сте преправни; еръ то ние мала стваръ у славу поћи! То є наймоћниє нешто децо моя! — Вы ништа о томъ незнате, но оно є нешто чудесно.“

И старо створенъ посади се опетъ, ронећи сузе, као тронућемъ убѣђена, а целый хоръ запои:

О Канаану, славный Канаану,

Поћмо дакле сви у славный Канаанъ.

Господаръ Бока читаше у слѣдству ове пѣсме на обшту молбу последню главу Откровения; но често є пресецанъ быо рѣчма; „Слушайте само!“ — „Представите само себи!“ — „Заиста є величественно.“

*) Американски робови єднако слуте о обѣтованой земљи (Канаану), да ће се негда избавити изъ робства, па зато найрадиє читаю и слушаю Откровения Јоанова (Апокалипсисъ.)

Бока кога є мати у вѣрозакону воспытала, кад' кад' є съ похвале пуномъ озбыльношћу примѣтбе собственне чинио, збогъ чега му се омлађина чуђаше, а старежъ га благосиляше, и сви су тог' мнѣния были, да ни свештеникъ болѣ толковати не бы мого.

Чича-Тома є быо, што се вѣрозаконны стваріи тиче, у цѣломъ сусѣдству као нѣкій патриархъ. Одъ саме природе быо є нравственъ; притомъ душевно є већма изображенъ быо, одъ нѣговіи парняка, па зато є свако на нѣга очи са страхопочитанѣмъ управляло, као на неког' свештеника. Простосрдечна и искрена опоминања нѣгова заиста бы и вышег' воспитания люде задовольила. Но кад' се є Богу молио, особито се є отликовао. Ништа ни є могло трогателно-усрдие, детиню озбыльность нѣговы молитви надвисити, коє сунекымъ точкама изъ св. писма уткане были, и коє є само нѣму свойствено было и као безъ да є онъ и знао изъ уста му излеташе. Єдномъ речю нѣгова є молитва тако чудесный упливъ на слушатель имала, да су є ови свагда са сакрушенімъ срцемъ слушали.

Докле є овай угледъ у колеби Чича-Томиной трајо, сасвимъ се овомъ противанъ у дому нѣговог' господара свршавао.

Робскій трговаць и господаръ Шелбій седили су упредозначеной обѣдницы за трпезомъ, коя є артияма и другимъ окрутомъ за писанѣ покривена была.

Господаръ Шелбій брояо є неколико све-скіи банкнота, и кад' іи є већъ преброяо, пружао є онда робскомъ трговцу, кои іи є такође преброяо.

„Све є исправно“ рече трговаць, „но сад' подпишите ово овде.“

Господаръ Шелбій шчепа брзо писмено продає и подпише, као, кад' човекъ 'ити, да не-приятно што 'сврши и одгури исто заєдно съ новцыма. Халай извуче изъ неке сасвимъ изношене записнице (Briefftasche) писмено, погледи исто, и ружи га онда господару Шелбию, кои га съ некимъ троненѣмъ угушене скорости прими.

„Но, сад' є већъ стварь свршена,“ рече трговаць дизаюћи се.

„Свршена!“ повтори госп. Шелбій и узда-не тешко одъ срца, па рече іошъ еданъ путъ „Већъ є свршена!“

„Види се као да ни сте! сасвимъ задоволь-ни,“ рече трговаць.

„Халаю,“ настави госп. Шелбій, я се на-да, вы ћете се опоменути, да спем мти вашу честну речъ дали, да Тому нећете препродава-ти, докъ недознате, у какве га руке предасте.“

„Та вы сте то исто сами чинили господару,“ рече трговаць.

„Обстоятельства су ме на то принудила, као што вам' є познато,“ рече госп. Шелбій гордо.

„Дакле, вы добро знате, да и мене могу обстоятельства принудити,“ настави трговаць.

„Но ипакъ я ћу се старати, као што најбољъ знао будемъ, да Тому добро наместимъ; а што се тиче мога поступаня съ нѣмѣ, о том' се не-брините. Ако ћу Богу и зашто да благодаримъ; то є, што нигда нисамъ свирѣпъ быо.

О разлаганю и увераваню трговца о своимъ преѣшнимъ основима, видно се є господ. Шелбій, да ни є сасвимъ задоволянъ; но будући да му никакве утѣхе неостаде, одпусти трговца съ миромъ да оде, а онъ самъ, као очайникъ запали смотку (Cigarre).

ГЛАВА ПЕТА.

Каква се чувства пораѣаю уживомъ пришяжанню при промени своіи пришяжаш еля.

Господаръ и госпоя Шелбій отишли су у свою спаваћу собу. Онъ се одмараше угодно на столицы съ наслонѣмъ и разгледаше писма, коя су съ поштомъ оно после подне дошла, а

она стаде предъ огледаломъ разплетати свое умешно оплетене витице, коє іой є Ђлица опле ла была; єрѣ кад' є смотрила бледо лице и одѣ плача подбуле очи своеє служительке, дозволи ла іой є да иде да спава. Док' се є овако она съ витицама забавляла, падне іой на паметъ разговоръ онай, кои є съ девојкомъ оно ютро имала, па се окрене мужу свомъ и безбрижно рекне:

„Да, безъ шале, Артуру, каква є оно проста неотесана людина была, што є данасъ за ручкомъ быо?“

„Онѣ се зове Халай,“ одговори Шелбій, окренувши се доста неугодно на столицы и очи упревши яко у писмо.

„Халай! Па коє онѣ, и ако смемъ запыта ти, шта ће?“

„Човекъ, съ коимъ самъ нека посла имао кад' самъ последний путь у Натхецу быо,“ рече Шелбій.

„Па зарѣ є зато онѣ тако слободанѣ, да овде, као код' своеє куће обѣдує?“

„Я самъ га позвао; имамъ съ нѣмє неке рачуне да расправимъ.“

„Не тргує ли онѣ съ роблѣмъ?“ запыта госпоѣ Шелбій, коѣ неку смущеность у обхожденію свога мужа спази.

„Е, любезна, одѣ куд' ти опетѣ то дође на паметъ?“ пыташе онѣ погледаши є.

„Та Єлица ми дође данасъ после подне плачући и запеваюћи. Она ми рече, да тай човекъ тргує съ роблѣмъ, и да є чула, како се съ тобомъ погађао за нѣно дете — оно смешно паче.“

„Тако?“ рекне господ. Шелбій, па се загледа ипакъ у писмо и непримѣтивши, да га наопако држи.

„Све єдно, пре ил' после изаћи ће на видикъ,“ помисли онъ у себи.

„Я реко Єлицы, да є она смешна,“ продужи госпоя далѣ безъ да є престала косу свою намештати, „єл' да нећешъ съ нѣме више посла никаква имати. Та я знамъ, да ты нигда на то ни помислио ни си, да и кога одъ нашихъ омлаћин продаєшъ, — а особито таквомъ човеку.“

„Све є то добро, Емилија, тако самъ свагда осећао и говорио; но ево сад' мои послови тако стоє, да ми се другчиє неможе. Я ћу морати неке одъ моїхъ омлаћин продати.“

„Оной стрвини? То є немогуће! Шелбій, то се ты само шалишъ.“

„Жао ми є, да ты морамъ казати, да се нешалимъ,“ рече господ. Шелбій. „Я самъ саизволио да се тома прода.“

„Шта, нашег' Тому? Оно добро, верно створенѣ? — Твог' у свачем' одданог' іошъ одъ детниства слугу. Шелбій, та ты си обећао, да ћешъ му слободу поклонити. Ты си се

са мноѡ о томъ вальда сто пута разговарао. Е, садъ већъ могу лако веровати, да ћешъ и малогъ Харрія да продашъ, оно єдинче, кукавне Ёлице!“ рече госпоя Шелбій гласомъ жалостно гнѣвльивимъ.

„Е, кадъ си већъ рада све да знашъ, — тако є. Я самъ саизволио, да се Тома и Харрій прода, и я незнамъ збогъ чега самъ заслужно, да ме као неко чудовиште сматрашъ, заръ зато што я ово чинимъ, кадъ то сви свакій данъ чине.“

„Алъ зашто, да између свию, башъ нѣи изберешъ?“ рече госпоя Шелбій. „Збогъ чега нѣи управъ да продаєшъ, кадъ већъ продавати морашъ?“

„Єръ за нѣи ми найвише дає; ето то є узрокъ. Я бы мого другогъ ма кога продати. Истый ми є човекъ лепе новце давао и за Ёлицу, ако ти є можда по вољи.“

„Несретныйкъ!“ повиче жестоко госпоя Шелбій.

„Я га ни чути хтео ни самъ изъ ипрзрѣния према теби; дакле повѣри ми.“

„Драгій мой супруже,“ рече госпоя Шелбій мало къ себи дошавшій, „опрости ми.“ Я самъ мало напрасна была, єръ ни самъ се тако чему надала; но ты ћешъ ми зацело допустити да за ова бедна створеня єдну речъ рекнемъ. Тома є благородна срца, веранъ, и ако є црнь.

Я самъ уверена, да бы онъ радо свой животъ за тебе дао.“

„Я то све знамъ, ал' шта помаже? Я другчине немогу чинити.“

„Зашто да се непринесе жертва у новцу? Я ъу радо пристати. Ахъ, Шелбій, я самъ рада была, да као христянка према овимъ бѣднымъ, простосрдечнымъ и зависеѣымъ суштествама мою христянску дужность испунимъ. Я самъ се за нѣи старала, нѣи обучавала, нѣи пазила и одъ толико веѣтъ година за све нѣиове и найманъ туге и радости знала.“ Та како одъ садъ меѣу нѣи да изиѣемъ, кадъ ии продаемо збогъ мале и гадне добити тако верногъ и врстногъ човека, сиромашка Тому, кои ѣе се морати одъ садъ свега оногъ дучити, чему смо га обучавали, да люби и уважава? Я самъ челядъ нашу у дужностима према породицы, у дужностима према родителѣима и децы, у дужностима супруга и супруге обучила. Како ъу моѣи нѣима доказати, да насъ све дужности, све свезе, ма оне како свете были, невежу, ако є о новцыма речъ? Я самъ съ Єлицомъ о нѣномъ детенцету говорила, о дужности нѣной да као христянка и мати, надъ нѣиме лебди; а шта ъу садъ да кажемъ, кадъ га одъ нѣ цепаши, нѣгово тело и душу, простачини єдной и нечовеку продаешъ само, да нешто новца заштедишъ? Я самъ іой казивала, да є душа єдна претежня одъ свегъ блага на свету; шта ѣе

она одъ сад' о мени мыслити, кад' іой дете продаемо? продаемо, гдѣ ѣе зацело тѣломъ и душомъ пропасти!“

„Мени є жао, да ты тако ту стварь узимашъ Емилија,“ рече господ. Шелбій, „и я почитуємъ та твоя осеѣаня, и ако іи у целомъ пространству нѣіовомъ делити немогу. Но ево ѣу ти торжественно казати, да све то ништа непомаже; єрѣ се я незнамъ другче помоѣи. Я ти ни самъ хтео да кажемъ, Емилија, но сад' ми неостає другче да чинимъ, осимъ или нѣи двоє да продамъ, или све друго, кое притяжавамъ. Халай има неко потраживанѣ одъ мене, кое я съ места морамъ плаѣати, па ако неучинимъ, то ѣе онѣ за тай дугъ све узети. Я самъ се побринуо, довияо, и узаймљивао, па и опетъ уцена за нѣи двоицу є нужна, да се рачунѣ измири. Халаю се допало дете; и онѣ другче ни є хтео, да се стварь сврши. Како бы ти онда было, кад' бы морао све продати?“

„Госпоѣ Шелбій, была є као окаменѣна. На последку оде натрагъ къ огледалу, покріє лице рукама и одъ єцаня се готово зацени.“

„То є права проклетина божія, што на овомъ роблю лежи,“ рече она после єдне почивке. „Горка, горка проклетиня; проклетиня и на господарима и робовима! Я самъ права будала была, коѣ самъ себи уобразила, да ѣу моѣи одъ нечег' сасвимъ худог', нешто добро произвести. Да се роблѣ подѣ закони-

ма, као што су наши држи, сматрала самъ я за грѣхъ. Овако самъ јошъ као дете мыслила, а као госпоја јоштъ и већма; па самъ за цело држала, да ћу моћи оно зло положенѣ моји робова поправити, добротомъ, старанѣмъ, и обучавањемъ; єдномъ речю тако станѣ нѣгово побольшати, да буду, као и слободни! — Башъ самъ я была будала.“

„Госпо, ты ћешъ готово да будешъ Аболициониста!“ *)

„Аболициониста! Кадъ бы Аболиционисте знали све, што я знамъ, они бы онда текъ говорили! Ты и самъ знашъ, да я нигда робство одобравала ни самъ, нити самъ, да га притяжавамъ.“

„У томе избегавашъ многе смирене и мудре люде. — Неопоминѣшъ ли се јошъ проповѣди, кою є Господ. Б... ту пре у неделю говорио?“

„Я за такве проповѣди нећу ни да чуємъ; я бы желила, да се нигда више Господ. Б... у нашої цркви и непокаже. Свештеницы можданемогу овомъ злу помоћи — немогу га искоренити — но могли бы га бранити**) мени сваг-

*) Аболиционисте называю се они, кои су безпрекословно за робове.

**) И заиста было є проповѣдника Англиканскогъ вѣроисповѣданія, кои су робство проповѣдима своимъ бранили.

да такво што видило се, да є противу здравога разума, и я мыслимъ, да и ты као и я ништа много о той проповѣди држати нећешъ.”

„Тако є“, рече Шелбій „проповѣдници по-негда упуштаю се о онимъ стварма да говоре о коима се мы бедни грѣшници нигда усудити несмемо. Духовенство небы требало да-лѣ да се упушта, одъ насъ миряна, кои збогъ многог’ коє чега очи морамо, да затворамо. Ово є известно. Но сад’, любезна моя, я држимъ, да си увидила нужду, и да я другче чинити немогу.“

„О да, да!“ рече госпоѧ Шелбій, замысливши се и стане свой златанъ сѣтъ (часовникъ) обртати. „Я украса немамъ одъ велике важности, рече она замышлѣно. „Но вальда бы оваѧ сѣтъ што помоћи мого? Онъ є негда много вредно. Само да могу Єличино дете избавити, то бы я све, што имамъ, пожертвовала.“

„Жао ми є и врло жао Емилия, да ты ту стваръ тако къ срцу примашъ; а поправи-ти се неможе. Писмено продає већъ є у рукама Халаєвим’, и благодари Богу, да јошъ и горе изпало ниє. Оваѧ є човекъ мого мене сасвимъ да упропасти, я самъ се искобе-ляо. Кад’ бы ты овог’ човека тако познавала, као што га я познаємъ, ты бы Богу руке дигла и благодарила за наше спасение.“

„Заръ є онъ тако неумолимъ?“

„Та башъ ни є тако свирѣпъ, но човекъ безъ срца, ладанъ, безъ призрѣнія и помилованія, као смртъ или гробъ. Онъ бы и рођену матеръ свою продаю, кадъ бы му се добро платило — безъ да бы іой онъ збогъ тога и какво зло пожелио.“

„И таквомъ ниткову, добрый, верный Тома и Ђличино дете у руке да падне?“

„Любезна моя, и мени є самомъ ово тешко; чисто немаримъ ни да помислимъ. Халай є навалио, и већъ сутра оће да іи одводи. Ја ћу пре зоре да изяшимъ; еръ ни є ми могуће да очима видимъ кадъ Тому поведе, а за тебе бы такође болѣ было, да се ма кудъ извезешъ па и Ђлицу са собомъ поведешъ. Некъ се сврши стваръ ова, безъ нѣногъ присутства.“

„Не, не“, рече госпоја Шелбій, „я никако нећу да саучастница или помоћница ове свирѣпости будемъ. Ја ћу бедногъ, старогъ Том-Богъ некъ мує у помоћи — да посѣтимъ. О Ђлицы несмемъ ни да помислимъ. Некъ намъ Богъ опрости! Шта смо мы учинили, да насъ ова нужда снађе!“

Савъ є овај нѣновъ разговоръ неко преслушкивао, о коме они ни помислили нису.

До нѣнове собе у којој су се они разговарали, была є друга доста пространа соба, у коју се могло съ поля изъ ходника ући. Кадъ є госпоја Шелбій Ђлицу отпустила, дође оной, на паметъ она соба. Она се у истой

сакрие и мете уво, на клучаницу тако, да іой се ни єдна речь одъ ньиовог' разговора измакла ни є.

Кад' већъ разговоръ престане, све се уталожи, оде она предосторожно оданде. Бледа, дрктаюћи, са стиснутим' устнама и порушеним' чертама лица, ни наликъ ни є изгледала ономъ кроткомъ боязливомъ створу, као пређе. Предъ вратма своє заповѣднице стояла є єдно магновенѣ и руке є къ небу плачући дигла. По том' оде у свою собицу. Собица є нѣна была у истомъ спрату у ком' є, и нѣне господє была. У ньой є было приятно єрь крозь прозоръ свагда сунце у нутра сияше, гдѣ є она обданѣ сидла, певаюћи при шву; ту се такође могла видити полица на коіой су кнѣиге и различите маленкости, коє є она о благим' днима на поклонѣ добила; па и єданѣ простѣ орманѣ, у ком' є алыне своє држала; — на кратко, ово є была нѣна постойбина и заиста до оног' тренутка срећна. Но тамо, на кревету, спаваше беззлобно нѣно єдинче, коврѣастомъ косицомъ преко безбрижног' лица покривено, ружична му устанца упола отворена быяу, маюшне, но пуначке ручице своє бацило є по покривки, и любко смешенѣ на лицу му се разпростираше.

„Сирото моя“, рече Єлица, ты си пр ано, єдинче мое!“ Но майка ће те опетъ зато избавити.“

Ни суза пала ниє на постелю; єрѣ у овакомѣ яду нерони срце обичне сузе, већъ кржаве. Она шчепа у овакомѣ станю листакѣ артиє и перо, и стане брзо да пише:

„Ахъ Госпо, уважаєма госпо, немойте ме за неблагодарну да држите — немойте рѣво о мени да мыслите — я самъ све чула шта сте вы съ господаромѣ говорили. Я ћу да покушамѣ мое єдинче да избавимѣ. — Вы ме нећете осуђивати! Некъ васѣ Богѣ благослови и Богѣ некъ вамъ у свачему наспори, за вашу доброту!”

Почемъ є хитно листакѣ савила, напише на нѣму надпись, па онда одма избере за себе и дете іой альине, коє у мараму єдну мете и око себе опаше.

И ако є у овакомѣ страу была, опетѣ зато ни є съ ума смѣла, да за дете неке и грачке спреми, па и плавогѣ папагая изѣ каваза извадила, да дете забавля кадъ се пробуди.

Стало є труда, докъ є дете пробудила, но кадъ оно устане види, да мати шеширѣ на главу меће, и да є некомѣ марамомѣ опасана.

„Куда ћешѣ мати”, питаше дете, кадъ се она до кревета прибљижи, са альиницомѣ и капицомѣ.

Мати му се іошѣ већма прибљижи и погledi му тако озбиљно у очи, да є оно одма погодило, да се є нешто необично случило.

„Бути Харрій“, рече она, „неговори гласно, ерѣ ће насѣ они чути. Дошо є зао єданѣ човекѣ, да малог' Харрия долеко у мракѣ одѣ майке му однесе; но майка те дати неће; она ће мало своє чедо да обуче, капицу му на главу мете, па сѣ нѣме да бежи, да га гнусный човекѣ неузме.

Говореѣи ово, обуче она дете, узме га у наручия па му шапне, на уво да ѣути, — отворивши врата одѣ споляшиѣг' ходника (веранде) и измакнесе.

Была є ноѣ ладна, и небо звездама-обасуто, и мати завиє у дебелу зимску мара-му дете своє, коє є одѣ стра'а сасвимѣ — умукнуло и о врату іой висило.

Бруно, маторо и велико неко псето изѣ Ниле-Фундландиє, коє є предѣ куѣомѣ лежа-ло подигне се ясно режуѣи, кад' му се она приблѣжаваше. Она му се тиіо яви и псето коє є она миловала и сѣ нѣме се играла, машало є репомѣ и за нѣомѣ ишло, и ако ние ову ноѣну раходку (Nachtpromenade) добро разумевало, поглѣдало є часѣ на куѣу а часѣ на Єлицу, док' не доѣе она до прозора Чича Томине колебе, гдѣ стане Єлица, и тиіо лупне у окна.

Часови молебствия, кои су у скупштини збогѣ поянѣ дуго траяли, и ако су се сви участницы истог' куѣама разишли, опетѣ зато неспаваше Чича Тома и нѣгова супруга.

„Благій Боже, шта є то?“ повиче Тета-Клоя, и скочи па брзо закрильникъ одъ прозора повуче. Живота ми мога, ово є Єлка. Обуци се скоро. Ево овде є такође и дртый Бруно! шта то значи? Я идемъ, врата да отворимъ!”

Она ово и учини. Но кад' танку свеѣицу Чича-Томабрзо запали, удари знака одъ свеѣе на порушено лице, на црне плаовите очи бегунице.

„Богъ те помого! Како ты изгледашъ Єлка? Да ни си болна, ил' да ли се ни є што догодило?“

„Я оѣу одавде съ дететомъ да бегамъ, господаръ га є продао.“

„Продао!“ заєчи одъ обое одєкъ, и руке горе одъ чуда дижуѣи.

„Да', продао!“ одговори Єлица силно. „Ясамъ се скрила овог' вечера у ону собу поредъ госпоине, и чула самъ, како є господаръ госпои казивао, да є Харрия продао, па и васъ такође Чича-Томо, обадрое єдномъ трговцу, и да ѣе данасъ рано господаръ некуд' да изяши, докле васъ трговацъ неодведе.“

Томо є за цело време овог' разговора стояо са отворенимъ устма, као 'да то онъ саня. Полагано, кад' є веѣъ смысао речи дознао, нагнесе на свою стару столицу и спусти главу.

„Нек' нам' благій Богъ буде мплостивъ

и нек' насъ помилує“ рече Тета-Клоя. „Ахъ то се мени чини да ни є истина! Шта є онъ учинио, да га господаръ продає?”

„Онъ ни є ништа учипио, нит' га є онъ збогъ тога прадао. Господаръ га одъ свое волѣ непродає, а госпођа, ахъ она є свагда добра и милостива. Я самъ чула, кад' га є за насъ молила, но онъ іой рече, да га онай у рукама има, и ако му неисплати, као што онай оће, морао бы све што има продати. Трговацъ му є яко за вратъ стао, и господаръ каже, да му є жао, но да се помоћи другче неможе; но господя, ахъ само да сте є чули! Ако она ни є Христянка и анђео божїи, то ни є ни єдна. Я самъ безбожна девойка, коя є оставлямъ, но я се незнамъ другче да помогнемъ. Она є сама казивала, да є душа єдна више вредна, него цео овай светъ, а ово дете има душу, па ако га одъ мене одвоє, ко зна, шта ће изъ нѣга быти. Сад' я ово овако за право налазимъ, но ако є неправо нека ми Богъ опрости, єрь га я одъ мене одвоити недамъ.”

„Но, старче“, рече Тета-Клоя, „зашто и ты неидешъ? Вальда оћешъ да чекашъ, да те одвуку низъ воду, гдѣ Црньце тешкимъ радомъ и глађу море? Я бы радиє умрла, нег' да тамо идемъ. Ты имашъ іошъ времена иди съ Ђлкомъ. Имашъ Пассошъ да идешъ

и да се вратишъ, кад' ти е воля. Айде брже. я ћу ти све спремити."

Тома подигне лагано главу, погледа скорбно, но ипакъ кротко око себе, па рече:

„Не, не. Я нећу да идемъ. Нека иде Ђлица, она има право! То бы было противу нарави, да она овде остане. Но ты си чула, шта су они казали. Кад' већъ я проданъ быти морамъ, или све друго, то пусти некаме проададу. Я мыслимъ, да такво што свагда подносити могу, као и остали!“ Но ипакъ док' е онъ ово овако говорио, ецао е, као да су га грчеви спопали. „Мене е господаръ свагда н-свом' месту налазио. Я нигда мою верность погазио ни самъ, и я нећу мой Пасошъ протаву мое речи, да злоупотребимъ. Болъ да мене едног' продаду, него да я побегнемъ, па онда мораю све да продаю. У томе нетреба господара худити Ђлоіо, онъ ће се старати за тебе и бѣдну.“ —

Сад' се окрене къ суровой постелѣи, малы' вуноглава, гласъ му умукне и онъ се наслони на столицу покривши лице широким' своимъ рукама. Тешки, подтмули уздисаи измакоше се изъ прсию и грозне сузе капляху му између прстию на землю; Сузе, кое само у мртвачкій сандукъ каплю прворођенца, кое теку надъ дететомъ у колевцы кад' га ропацъ стегне.— Майко, ма да си коя ты ћешъ осећати мученъ нѣгово! — па была у свили обучена ил' дра-

гим' каменѣмъ обасута или сиромашным' ритама умотана, сви мы осеѣамо кад' нам' доѣ велика нужда и скорбь у животу еднаку бѣлю; бѣля срца у сваког' є равна.

„Сад' само слушајте, я самъ видила мужа мога текъ данасъ после подне”, рече Єлица стоѣћи на прагу, „я тада јошъ незнадо шта ће ме снаћи. Онъ ми рече да є већъ до крайности уцвелѣнъ и да ће морати, да бега. Покушајте, те му о мени јавите. Кажите му да самъ одбегла и зашто, и да оћу да покушамъ, Канаду да нађемъ. Уверите га о мојој према нѣму любви и кажите му па ма ако га нигда више и невидимъ —” она се за єдно магновєніє окрене; потом' се опетъ обрне и дода задавлююћимъ гласомъ: „Кажите му, нека само свагда добаръ буде, и мы ћемо се опетъ ако нигди а оно на оном' свету видити.”

„Викните Бруна унутра и затворите за мнома врата”, рече она, „сирото животно ово не сме са мнома ићи,”

Јошъ неколико последњи речи и суза, јошъ неколико простачки здравица, благосиљаня и жєля слѣдовало є, па онда поити она оданде сасвимъ мирно, зачуђено и уплашено дете своє рукама чврство загрливши.

ГЛАВА ШЕСТА.

Проналазенѣ.

По дугомъ разговору, кои су оно вече господаръ и госпоя Шелбій имали, доцне легну, па зато сутра данъ доцне, као и обично устану.

„Незнамъ шта ради Ђлица!“ рече госпоя Шелбій, почем' ѣ већъ неколико пута за звонце повукла.

Господаръ Шелбій стояше предъ огледаломъ и оштрио ѣ свой бриячъ, кад' ал' врата се отворе и ѣданъ боядисанъ дечко съ водомъ за бриянѣ унутра уђе.

„Андро“, рече му госпа, „иди до Ђличини врата и кажи јой да самъ већъ трипутъ да она дође звонила. — Сирота!“ — рече она уздишући у себи.

Андра се врати врло брзо натрагъ съ избеченым' и зачуђеным' очима.

„Господару, госпоя, Ђлкина ѣ фиока са свим' отворена и ствари су разбачене, я мыслимъ, она ѣ отишла.“

Ово одма поверуѣ господаръ Шелбій и супруга му, па повиче онъ:

„То ѣ онда зацело она предвиђала, па ѣ одбегла.“

„Хвала Богу!“ рече госпоя Шелбій.“ Я се надамъ, да є то и учинила.“

„Жено, ты говоришъ, као да ни си при себи. Заиста, то ће нешто красно за мене да буде, ако се обистини. Халай є примѣтио да самъ се я съ продаіомъ овог' детета затезао, па ће мыслити, да самъ се я споразумевао и нъой на руку ишо, да побегне. То се мое чести тиче!“ И господарь Шелбій брзо изађе изъ собе.

Одъ прилике четвртъ часа и све се по кући узгумара, пытаюћи єдно друго. Само є єдна особа была, која бы целу стваръ на видикъ изнети могла, на она є ћутала, и та є была Тета-Клоя врховна куварка. Она є ћутала и суморног' лица была, као да іой се айтежій каменъ на срце навалио, па є готовила свой доручакъ, и као да она ништа о том' метежу незна.

За тилій часъ посадише се десетакъ црне деце, као гаврани, на кровъ ходника и свакій се одъ нъи съ томъ намеромъ попео, да страном' господару нѣгову несрећну судбу саобшти.

„Онъ ће сад' као бесанъ доћи“, рече малій Андра.

„Да л' ће псовати?“ рече малый Яша.

„Да богме да ће; єрь онъ зна да псунастави вуноглавый Мандій.

„Ясамъ га юче чуо кад' е обѣдовао. Ясамъ се сакрио и сваку самъ речъ чуо.”

Кад' Халай на последку съ надпетицама (мамузама) на чизмама дође, буде са свию страна рѣавомъ вѣшћу поздравлѣнъ. Млади бауцы на ходнику, ни су се у свом' очекиваню преварили, да ће да га чуо како псуе и праска. Онъ е тако скоро и силно знао да псуе, да су се сврх' тога не само чудили но и узхићавали, и све око нѣга, но по издалѣ одъ домашая нѣговог' бича, да ии неопали, скакаюћи и кикотаюћи по земљи су се валяли.

„Дајове мале ђаволе уватимъ!” мумљае Халай крозъ зубе.

„Но вы неможете!” рекне малый Андра узклицаваюћи одъ смея, и иза леђа несрећног' трговца бекелѣи се.

„Я вам' кажемъ, Шелбій, овай посо ни е чистъ“, рече Халай, ушавши хитро у собу. „Мени се чини, да е девойка съ дететомъ побегла.“

„Господаръ Халай, госпоя е Шелбій овде“, рече господаръ Шелбій.

„Я молимъ за опроштенѣ госпо“, рече Халай, и мало се поклони, „но яи опетъ кажемъ да е ово особито нешто. Ёл' истина господару?“

„Господару“, настави Шелбій, „я вам' примѣчавамъ, да вы, ако са мнома желите посла имати, да се покажете у обхођеню, као племићъ (Gentlemanъ.) Седите господару.

Да господару, я васъ сажалѣвамъ, да є млада жена, заръ раздражена тиме, што є преслушкуюћи или на другій некій начинъ дознала, да ѣу нѣно дете да продамъ, ове ноћи одбегла.”

„Я самъ ову стваръ сасвимъ за поште-ну држао“, рече Халай.

„На што та примѣтба, господару? пы-таше Шелбій оштримъ гласомъ. „Само ако се усуди ма ко о моіой чести да посумня, то имамъ само єданъ одговоръ за нѣга.“

Трговацъ овимъ у свое границе упућенъ, рече мало приятнѣ: „Ово бы за свакогъ чо-века наонако было, да кадъ већ на поштенъ начинъ погоду учини, да га овако заносъ вуку.“

„Господаръ Халаю“, рече господаръ Шел-бій, „кадъ я небы мыслио, да вы узрока има-те незадовольнимъ быти, то онда вашъ суро-вый начинъ улазєня у мою собу трпио не бы. Я вамъ само толико кажемъ, да я ни найманѣ допустити неѣу, да ми се пребаци, као да самъ я у овой ствари участникъ быо. Меѣу-тимъ я се обвезанимъ видимъ, да вамъ у сва-чемъ на руку идемъ, како да ваше притяжа-нѣ пронаѣете, поднашаюћи вамъ мое слуге и конѣ на ваше расположенѣ. Накратко, Ха-лаю,“ почемъ онъ на єданъ путь гордимъ гла-сомъ говорити престане и своимъ обичнимъ простосрдечно рекне, „найболѣ бы было, да вы ову стваръ за тако худу неузмете, єдите

найпре и мы ћемо притомъ већъ разсудити, шта да се ради.”

Госпоѣ Шелбій садъ устане и рекне, да ѿой нѣни послови недопуштаю при доручку да буде, и почемъ некой већъ угодинама Мулаткинѣи заповеди, да господарѣ послужи, удали се изъ собе.

„Старой госпи недопада се вашъ покорный слуга”, рече Халай некимъ несрећнимъ покушенѣмъ у повѣреню.

„Я нисамъ навикнутъ, да се тако слободно о моѿой госпоѣ говори,” рече господаръ Шелбій сувопарно.

„Я молимъ за опроштенѣ, наравно ово є само шала была,” рече Халай усиливаюћи се да се насмее.

„Има шале, коє ни су приятне,” одговори Шелбій.

„Проклетъ да є онаѣ часъ, кадъ самъ писмено подписао, видишъ, како садъ носъ диже,” мумлао є Халай крозь зубе. „Како одъ юче величественъ постаде.”

Нигда падежъ првогъ министра при двору тако живый утисакъ учинио ниє, као што є Томина судба, између нѣговы другоѣ. Ово є быо обштый разговоръ и ништа се радило ни є у кући или у полю, а да се недоговораще о могућнымъ слѣдствама. Єличино бѣгство — коє є на Шелбійнымъ притяжанияма безпримѣрно —

принело є такође много да обштый метежъ расте.

Црный Самуило, као што га обычно зваше, єрѣ є троиномъ црњи быо одѣ свию другїи на овомъ добру Црняца, разчленио є стварь подробно и основно съ призренїемъ на свое собственое добро здравлѣ, коє бы свакомъ беломъ отечестволюбцу у Васингтону на честь служило.

„Мрка капа, зла прилика“, рече онѣ са свимъ важно.

„Да, мрка капа, зла прилика“, повтори онѣ „ето Тома оде, дакле наравно место нѣга другїи ѣе Црняцѣ доѣи. Тома одяши са углачанымъ чизмама — пасошемъ у цепу — бапѣ као какавъ великій господинѣ — ко ѣе съ нѣиме? — А не Самуило? — то є управо за чудо.“

„Хей! Самуило! господарѣ те зове, да уватишѣ Била и Єрія!“ рече Андра, пресекавши накратко Самуиловѣ самоговорѣ.

„Но, шта є ново деране?“

„Я незнамѣ; но мыслимѣ, вальда зато, што є Єлка съ нѣнимѣ дететомѣ побегла?“

„Ты си врло мудро момче!“ рече Самуило маловажно. „Я самѣ то веѣ одавно знао; да Црнѣцы ни су садѣ више глупи.“

„Не, на свакій начинѣ господарѣ оѣе, да се Билѣ и Єріи одма оседла, па да онда я и ты съ господаромѣ Халаємѣ за нѣомѣ идемо у потеру.“

„Боже, башъ є данасъ време!“ рече Самуило. Дакле Самуила зове за тай посо. Башъ љу видити не љу л' є уватити а и господаръ нека види, шта Самуило може да учини.”

„Да, оно є тако, Самуило,” рече Андра, „но ты бы болъ чинио, да мало главомъ промучашъ; еръ госпоя ни є рада да се она увати, па тешко онда твоимъ кудрама.”

„Шта!” рече Самуило, и избечи очи. „Одъ куд' ты то знашъ?”

„Я самъ чуо овог' ютра, кад' самъ воду за бриянъ господару унео; госпоя ме є послала по Ёлку да є зовемъ, да ню обуче. Я самъ се повратио и казао, да є Ёлка побегла, а госпоя на то радостно повиче: Хвала Богу! — Господаръ є рђаво погледа и рече: „Жено, ты говоришъ, као да ни си при себи!“ — Но она ће господара ублажити; зато ти кажемъ, за тебе бы найболъ было, да будешъ на госпоиной страни.

Црный се Самуило стане поглави чешати и озбиљно расуђавати намицајући чакшире по обычаю свомъ, па наипосле рече: „Башъ ништа на овом' белом' свету постояног' нема; я самъ свагда држао, да бы госпоя цео светъ преметула, само Ёлку да нађе,” дода размышляваюћи. „Но она ће ипакъ казати, да се тражи Ёлка” — рече онъ двоумећи.

„То може она зацело казати,” дода Андра, „ал' теби, као да є сито на очима, па не-

можемъ баръ толико, да видишъ, да госпоя ни є рада, да господаръ Халай Ёлку и нѣно дете увати; па іошъ ѣу ти шта више казати,” рече Андра. „Ты бы болѣ чинио, да се побринешъ за конѣ. Да, безъ шале, госпоя є за тебе пытала. Морре будало, ты много оклевашъ, шта се толико лєньишъ?”

Самуило одесадъ брзо, да заповєсть изврши, и мало затымъ доведе онъ гордо Била и Ёрія предъ куѣу, гдѣ їи за колацъ веже. Халаєвъ є конь быо младъ и ватренъ, па є рзао, копао ногама и єднако є трзао уларъ.”

„Хо, хо!” рече Самуило, „вы као да сте дивльи?” и изъ очию вирио му є, несташлукъ. „Я ѣу васъ садъ умирити,” рече онъ.

Место є засєнявало велика буква, подъ коіомъ є было мали оштри триугolni шишарки. Съ єдномъ у руцы приблѣжи се Самуило до коня Халаєвогъ, когъ стане глацкати и миловати, и ово га є зайста много муке стало, докъ га є умирио. Затимъ, као да є хтео седло болѣ да намести, па подмете єдну малу шишарку подъ седло тако, да и найлакшій притискъ одъ седла морао є коня раздражити и узнемирити, безъ да є мого икакву рану, или примѣтный знакъ остати.

„Тако,” рече онъ, па се стане цєрекати, „садъ є све у реду.”

У овомъ магновєнїю появи се госпоя Шєлбїй на балкону и да му знакъ рукомъ да

дође бљиже. Кад' се онъ приближи рече му она: „Зашто си толико оклевао? Я самъ ти по Андри поручила да поиташъ.”

„Богъ нек' васъ благослови госпо,” рече Самуило; „Ни самъ конѣ одма моего да поватамъ. Были су отишли Богъ васъ пита куда да пасу.”

„Самуило, колико ћу те већъ учити и опо-миняти, да уза свашто не изговарашъ: „*Богъ да благослови и Богъ васъ пиша!* и овомъ подобно? То е грѣхъ.”

„Ахъ, Богъ некъ благослови мою душу, госпо, я самъ то заборадио, но я одъ сад' нећу тако што више говорити.”

„Е, Самуило, та башъ си сад' опетъ казао.”

„Е, да, о Боже — то есть я ни самъ хтео да кажемъ.”

„Ты треба да будешъ већма на опрезу Самуило.”

„Само ме пустите, да душомъ да'немъ, госпо; я ћу већъ одъ сад' већма на опрезу быти.”

„Добро, Самуило; — Ты ћешъ ићи са господаромъ Халаємъ, нѣму ћешъ путъ показати и слушати га. Пази на конѣ, Самуило. Знашъ добро, да е Ёрій прошле неделѣ нешто ороную; *немой дакле да брзо яшишъ.*”

Госпоѣ е Шелбій говорила ове последнѣ речи полагаю, но съ особитимъ ударцемъ речіи (Betoning).

Самуило узвери очима и као да е казати хтео. „Богъ зна! — Прстъ! неговори то!” повиче онъ, самъ себе на еданъ путъ пресекавши, и уздане тако смешно, да се госпоя Шелбій неотично морала свр’ тога да насмее: „Да, госпо, я љу на конѣ пазити.”

„Чуешъ Андро,” рече Самуило, почем’ се подъ букву врати, „мени неће за чудо бити, ако племичкій конъ стане у пропнице скакати и бацакати се, кад’ га узседне,” говорећи ово гурне га у страну, као да му е знакъ хтео дати.

„Е!” рече Андра съ изразомъ, да га е разумео.

„Да, ты ћешъ видити, Андро, госпоя оће време да уштеди, о ово е ясно за обичног’ позорника. Я самъ управ’ сад’ у нечем’ и нъой на руку ишо. Но ты ћешъ видити, само док’ се пусте ови конъи, па стану тамо и амо по шуми трчати я мыслимъ, да господаръ неће моћи тако скоро далѣ отићи.

Андра на нѣга исплази езикъ.

„Ты ћешъ видити, Андро,” продужи Самуило, „само, ако се догоди, да господара Халая конъ скочи, мы ћемо му одма морати помоћи, и — мы ћемо му помоћи; — да како!”

И Самуило и Андра завале главе натрагъ и стану се гроотомъ смеяти прстъ о прстъ удараюћи и на штикляма се одъ усхићеня люляти.

У овом' тренутку появи се Халай у ходнику. Испивши неколико шолѣица валяне кафе, дође мало блажѣи и смешеѣи се повиче: „Но, момчади, сад' само живо, време да не губимо.”

„А, што се тога тиче, небринте се господару,” рече Самуило, пружајући Халаю узду и држеѣи струменъ (узенгию), а Андра є одрешивао она друга два коња.

У магновеню, кад' се Халай седла коснуо, скочи му коњ тако високо у пропнице, да му се господаръ неколико стопа далеко по земљи откотрля. Самуило приђе, као баяги Халаєвог' коња да увати и утиша, ал' коњ како смотри на глави Самуиловой несташно намештено палмово лишће 'ркне па загребе бегати. На ово Андра заръ разумевши онай тайный договоръ, пусти Била и Єрій, па стане за њима жестоко викати, да ови јошъ веѣма загребу. Сад' се све узбуни. Самуило и Андра трчали су за коњма вичуѣи колико имъ є грло доносило, пси су лаяли, а Микій, Мойсило, Мандій, Фаній и све мале и јошъ недорасле слуге оног' места, обоєгъ пола трчали су, плескали рукама и викали изъ гласа.

Халаєвом' коњу, кои є особито брзъ и жестокъ некій беляцъ быо, врло се овај догаѣай допадне, и будуѣи да се є ледине, која се готово єдну миљу протезала, и која є опетъ

сасвию страна гаєвима обколѣна была дочепао: то покуша онѣ да дочека гонителѣ свое на неколико педлыи одѣ себе, па да онда опетѣ рзаюћи оданде у кршѣ гаєва улети.

Док' су нѣи двоица юрили конѣ да увате, Халай є као бесомучанѣ ходао горе и доле псуюћи викаюћи и ногама о землю удараюћи. Господарѣ Шелбій узалудно се трудио да сѣ балкона наставленя да, а госпоя Шелбій смеяше се сѣ прозора, безѣ да є и найманѣ знала, шта є управ' узрокѣ свему овом'.

Тек', око 12. часа, появи се Самуило сѣ, усклицаванѣмѣ єздећи на Єрию, и Халаєвог' коня поредѣ себе за уздицу водећи. Сав' у зною окупанѣ, блистаюћым' очима, и далеко развлачећым' нождрвама шикао є, знакѣ, да духѣ слободе у нѣму ни є сасвимѣ угушенѣ.

„Уваћенѣ є!“ повиче онѣ усклицаваяући. „Да ни самѣ я быо, не бы га ни єданѣ одѣ васѣ уватити мого. Но я га ево увати.“

„Ты?“ рече Халай у не сасвимѣ повольной ѣуди. „Да ни си ты быо, не бы одѣ свега тога ништа ни было!“

„Господѣ нек' насѣ благослови, господа-ру,“ рече Самуило, као да се є уврећенѣ нашо; та я самѣ га гонио и трчао, док' ми зной низѣ леѣа непоцури.“

„Добро! добро!“ рече Халай. „Ты си ме сѣ твоимѣ лудостима за читава три часа за-

каснио. Но, што є было, было є, сад' само поитай, и више немой будалисати.“

„Како господару,“ рече Самуило опируючимъ гласомъ, као што ми се види, вы оѣте конѣ и насъ све да поморите. Мы ево спадо-смо съ ногу, и тек' што не попадамо, а и коньи су сасвимъ уморни. Господару, немойте сад' одма да полазимо, док' обѣдуємо. Вашег' коня треба, да очистимъ; видите, како се савъ упрцкао! Па и Єрій такоѣ; не мойте мыслити, да ѣе насъ госпоя овако сад' одпустити, да идемо. Нек' насъ Богъ благослови, господару, мы ѣемо є достигнути, ако се мало и позабавимо. Єлка ниє нигда скоронога была.“

Госпоя Шелбій, слушала є, са задовольствомъ овай разговоръ съ ходника, па сад' заключи, да и она участвує. Она се спусти доле, и изяви врло учтиво свое сажаленѣ о Халаевой несреѣи, па га замоли, да при обѣду остане увераваюѣи га да ѣе се куварка постарати, да све на брзу руку готово буде.

Кад' све добро премери, оде Халай съ доста двоумеѣомъ приятношѣу у собу, а Самуило значая пуне узвери очи и конѣ одведе у конюшницу.

„Єси л' га видио Андро?“ пыташе Самуило, кад' конѣ повеза. „О брате, ако ни є ово было тако лепо видити као и проповѣдъ у собранию; онъ є скакао, играо и насъ псовао. Я самъ тек' само усеби мыслио; псуй ты момче,

тек' коня пре добити неможешъ, док' га мы неуватимо. Боже! Андро, мени се чини, као да га и сад' гледамъ.“

И Самуило и Андра одъ смея су се заценили.

„И како е горопаданъ быо кад' самъ му коня довео — Да е смео убио бы ме на место.“

„Мой брайко, видио самъ я тебе,“ рече Андра, „да си ты старый лисацъ!“

„Мож'да и есамъ,“ рече Самуило. Да л' си ты видио госпою на прозору? Я самъ е видио, она се смеяла.“

„Вѣруй ми, я ништа видио ни самъ,“ одговори Андра.

„Ништа зато, я самъ видио,“ рече Самуило и почне, да пере Халаевог' коня. „Андро, я обычествуемъ такво што, да именуемъ: *примѣчаванѣ*; лепъ обычай, я вам' га препоручуемъ, вами младићима, да га и вы уобичаите. — Подигни стражню ногу Андро. — Да видишъ Андро, примѣчаваня чине сви Црньцы. Да Андро, я ни самъ знао овог' ютра одъ куд' ће ветаръ да дува? Я ни самъ знао шта е хтела госпоја, башъ и да е казала? То се зове примѣчаванѣ Андро. Я се надамъ да ћешъ ты ово свойство добримъ назвати. Свойства су различна у различным' особама, но она се мораю дотерати и изобразити и онда могу далеко доспети.“

„Я мыслимъ, да ти я ни самъ помого овог' ютра да твое примѣчаванѣ учинишъ, не бы ты тако лако до углачаног' пута дошао!“ рече Андра.

„Андро,“ продужи Самуило „ты си момче на кое се човекъ поуздати може. „Я о теби Андро, врло лепо мыслимъ и нестидимъ се одъ тебе совета узети. Мы нетреба никог' да презиремо, ерѣ и найманѣи може нам' одъ ползе быти. И сад' айдемо Андро куѣи. Я мыслимъ госпоя ѣе насѣ данасѣ добро почастити.

Господа Любители и Подпомагатели Кнѣжества Србског'.

У Царству Австрійском'.

Бечѣ.

Нѣгова Свѣтлость, Князь Михаилъ М. Обреновићъ 20. — Високород. Г. Стефанъ Радичевићъ Попечитель Правосудия и Просвете К. С. Полковникъ у пенсіи. 5. Пречестнѣйшій г. Михаилъ Ѳеодоровичъ Раевскій Протоерей цар. русске Цркве. — Благопоштенородни господари великокупцы: Теодоръ Д. Тирка 2. — Ј. Мойсиловићъ 2. — Ј. Владиславъ 2. — Димитрій К. Мировићъ 2. — Петаръ Леко 2. — Андрия Марковићъ 2. — Антоній Кириакъ Цанковъ, Българинъ отъ Свищовъ 2. — Павле Вуйићъ 2. — Благородный и високоученый г. Северинъ Завишићъ Дръ Медицине и придворный лѣкаръ 1. — Честнѣйш. г. Јованъ Шорокъ свештеникъ І. Банског' Полка 1. — Високоуч. г. Павле Харишъ Правословъ изъ Новог' - Сада 1. Благопоштенор. гг. Коста П. Томашевићъ и Миланъ Петровићъ трг. свинярски изъ Кленка 2. — Благопоштенор. г. Коста Јовановићъ бывший Представникъ Полицие у Вѣйводству Србском' 1. — Благород. г. Тимотей Бурићъ цкр. капетанъ 1. — Высокоблагородный г. Јованъ Милекићъ цкр. Маіоръ, витезъ одъ Карловаца града 2. — Благопоштенор. г. Георгій Милекићъ трг. изъ Митровице за сына Тиру. 1. — Благопошт. г. Сте-

фанъ одъ Банѣ трг. за сынове Луку и Јоцу 2. — Благопоштенород. г. Павле Башкалѣић трг. изъ Београда 1. — Благород. г. Тома Вуковъ цкр. Курирѣ. 1. — Благор. г. Миленко Теодосић изъ Станине-Рѣке 1. — Благонадеждна гг. Димитрије Петровић и Велизаръ Боборонъ слушатели тргов. наука изъ Панчева 2. — Высокоучена гг. Михаилъ Политъ изъ Н. Сада и Јованъ Јовановић Слуш. Права. — Высокоуч. г. Димитрије К. Стояновић слушатель Философіе у Терезиануму 1. — Поштенород. гг. Илия Авраамовић и Милованъ Михайловић тѣлохр. свѣт Княза Милоша Обреновића 2. — Благонадеждни гг. трговачки помоћници: Јованъ Николић, Любомиръ Краиновичъ, Григорій Живковић, Марко Секулић, Албертъ Палѣй, Василиј и Ђорђе х. Стояновић, и Никола Рига трг. 8. — Поштенор. г. Павле Радосавлѣвић грађан. бечкій кройчъ 1. — Благонад. г. Димитрије Павловић хирург. Помоћ. изъ Сент - Миклоша 1. — Благонад. г. Јованъ Грубишић Rothgärber 1. — Благопоштенор. г. Светозаръ Л. Јовановић трг. изъ Земуна 1. — Благопоштенор. гг. трговцы: Петаръ Протић изъ Пожаревца. Василиј Деспинић изъ Ковина и Филипъ Станковић изъ Смедерева 3. — Благонад. г. Светозаръ Станковић трг. помоћ. 1. — Благопоштенор. г. Димитрије Пантић изъ Београда 1. — Высокоуч. гг. Слуш. Права: Ђорђе Милосавлѣвић, Владиславъ Николић и Стефанъ Лазић. Г. Петаръ Ковачевић род. изъ Ирига. Ђорђе Бркић трг. пом. 2. Frl. Louise Littmann касирка у сръбской кафаны. Михаилъ Рашић, хирург. помоћн. — 86.

Клостернайбургъ.

Благородный г. Петаръ одъ Чебаць цкр. капетанъ у пензії 1.

Кралѣвство Далматинско.

Дубровникъ.

Высокоблагор. г. Єремия Гагичъ царско-
русскій генералный консулъ 2. Пречестнѣйшій
г. Георгій Николаевичъ протопресвитеръ 1. — 3.

Т р с т ъ.

Послао честнѣйшій Даниилъ Буичъ Єрей.

Славно Србско Обшество 2. — Высо-
коученый г. Дмитріе Владисавлѣвичъ 1. —
Честнѣйшій г. Симеонъ Костиѣ Баконъ и У-
читель 1. — Благоштенородни господари
великокупцы: Марко Квекиѣ 1. — Спиридонъ
Гопчевиѣ 1. Георгій Теодоровиѣ 1. — Сте-
фанъ Шкулѣвиѣ 1. — Александеръ Коваче-
виѣ 1. — Александеръ Мариновиѣ 1. — Сав-
ва Тирковиѣ 1. — Александеръ Баіовиѣ 1. —
Константинъ Катиѣ 1. — Христофоръ Опу-
иѣ 1, — Јованъ Цветковиѣ 1. — Никола Д.
Пешика 1. — Никола Раѣековиѣ 1. —
Георгій Н Мичиѣ 1. Дмитрій Теодоровиѣ 1. —
Благопоштенор. госпоя Катарина Метике ро-
ѣна Гопчевиѣ 1. — Благонадеж. господична
Милица Буиѣ 1. — свега 21

Кралѣвство Угорско.

Арадъ.

Послао г. Трифунъ Маряновиѣ.

Благородна гг. Андрия Станковиѣ Касса-
Перцепторъ 1. — Јованъ Петровиѣ Сена-
торъ 1. — Пера Петровиѣ Адвокатъ 1. —
Арса Миханловиѣ Адвокатъ 1. — Благопо-
штенородни гг. трговцы: Константинъ Бода-
рій 1. — Василій Константиновиѣ 1. — Гри-
горій Анастасъ 1. — Урошъ Мудриѣ 1. —

Поштенородни гг. майстори заната чизмарског':
 Манойло Михайловићъ и Теодоръ Живковићъ 2. —
 Ненадъ Доргучевићъ 1. — Поштенородни гг.
 майстори. Јованъ Стануловићъ кроячъ 1. —
 Јованъ Животићъ ћурчия за сына Турицу 1. —
 Илия Станковићъ 1. — Георгие Секулићъ трг.
 изъ Маче 1, — Аксентие Кремеръ Пинтеръ 1. —
 Савва Лазаръ Сапунция 1. — Стефанъ Драгићъ
 сапунция 1. — Александеръ Лазаръ 1. — Јо-
 ванъ Груићъ Юношъ 1. — Петаръ Јовановићъ
 Абация 1. — Аксентие Димитриевићъ Абация 1. —
 Георгій Саввићъ варга 1. — 23.

Б а т о н я

*Послао г. Прокоій Видицкій Дѣшона-
 сшавникъ.*

Честнѣйша гг. пароси: Георгій Георгие-
 вићъ и Леонтій Петровићъ 2. — Чест. Арсеній
 Божидаръ капеланъ 1. — Благородный г. Па-
 велъ одъ Сабо Адвокатъ 1. — Высокоуч. г.
 Николай Георгієвићъ Бележникъ. Благородна
 госпожа Тереска Павловићъ рођена Георгіє-
 г. Ааронъ Роцковъ таторъ црков. 1. — Пошт.
 г. Тоша Симићъ 1. — Пошт. Конст. Марићъ
 чизмаръ 1. — Поштенор. г. Георгій Давидо-
 вићъ кроячъ. 1. — Пошт. г. Стефанъ Лудайићъ
 велик. Бировъ 1. — Поштенор. г. Светозаръ
 Георгієвићъ Коларъ 1. — Пошт. г. Михаилъ
 Видицкій 1. и Пошт. г. Аркадие Ёновацъ Зем-
 лѣдѣлцы. 1. — Поштенор. г. Димитрие Войно-
 вићъ 1. — 15.

Пешта.

Высокоученый г. Никола Крстићъ Дрѣ.
 Философіе. — Благор. г. Емилиј Димићъ цкр.
 чиновникъ — 2.

Турска Канѣижа.

Благородна господа: Светозаръ Риђичкій
 одъ Скрибеште цкр. срезскій судацъ. 1. — Јо-

ванъ Фиреѣхазскій цкр. Аушкултъ 1. — Димитрие Предиѣ цкр. срез. Писаръ. 2. — Велизаръ Мишковиѣ цкр. Мѣстозаступникъ. 1. — Георгій Магарашевиѣ Адвокатъ 1. — Савва Фиреѣхазскій Бележникъ 1. — Артемия Стефановиѣ цкр. Комесаръ 1. — Христофоръ Поповиѣ Провизоръ 1. — Любко Саввиѣ Каснеръ 1. — Благопоштенор. г. г. Илия Писаровиѣ трг. и Илия Јойкиѣ трг. помоѣ. 2. — Поштенород. г. Јосифъ Станимировиѣ ковачъ 1. — 13.

Озицово.

Честнѣйшій г. Савва Павловиѣ парохъ 1. — Благоразум. г. Теофанъ Марковиѣ Дѣтонаставникъ 1. — Поштенор. г. Јованъ Яшо кроачъ 1. — 3.

Троєдна Кралѣвина.

Осѣкѣ.

Послао Г. Григорій Аргировиѣ трг.

Благор. Г. Алекса Аужинску Землѣмѣръ града Осѣка. Честн. г. г. пароси тенски: Алекса Седларевиѣ и Нико Скенѣиѣ. Г. Јованъ Танчевиѣ за сына Ђоку. Родолубъ М. — Родолубъ В. — Г. Марко Аксентиѣвиѣ. Г. Милошъ Песиѣ. Г. Софро Познановиѣ. Г. Паіо Радановиѣ. Г. Коста и Ђорѣе Крестиѣ и Г. Јованъ Продановиѣ абаѣя. — 12.

Послала Г. Г. браѣа Свирчевиѣ.

Благор. Ответницы: г. г. Ђиро Исаиловиѣ, Исидоръ Исаиловиѣ и Ivan Uzačević. Благопоштен. г. г. трговцы. Јованъ Трандафилъ. Илія Мариновиѣ. — Поштинородни Майстори: Андрија Максимовиѣ Стактаръ. Лука Прести-

танинъ Абація. Мойсило Бранковићъ за сына
Димитрия ученика. Госпоже: Екатерина Седла-
ревићъ и Юліяна Вукашиновићъ удове. Госпо-
дична Милица Живковићъ. — 11.

Карловцы горњи (Karlsstadt).

Послао Г. Георгій Поповићъ трг.

Пречет. Г. Прото І. Діаковићъ. Благо-
поштенор. г. г. трговцы: Михаилъ Милићевићъ
врхов. тоторъ. — Василиј Беракъ. — Петаръ
Живойновићъ. — Александеръ Тодоровићъ. —
Александеръ Јовановићъ. — Вениаминъ Лук-
шићъ. — Даниелъ Банянинъ. — Стефанъ Егићъ.
и Симеонъ Симићъ. — 10.

Пешрина.

Послао Г. Никола Беговићъ парохъ.

Высокоблагор. г. Пая Петровићъ ц. кр.
Мајоръ П. банског' Полка. — Благор. г. Пая
Перенчевићъ ц. кр. Forstpraktikant. — Благор. г.
Јово Котуръ ц. кр. Постмайстеръ. — Гжа Ка-
та Поповићъ удова за сына Васу. — Благопо-
штенор. г. Гавріилъ Вишошевићъ трг. — Пошт.
г. Јованъ Берићъ Казанція изъ Костайнице за
сына Михаила. — Честнѣйша господа пароси:
Коіо Скадарка и Рафаилъ Кукићъ притяж. сре-
брног' крста: „pro piis meritis.“ — Михаилъ
Тривановићъ профосъ. — 10.

Вуковаръ.

Благоштенородни г. Јованъ Михайловићъ
трг. 5.

Даруваръ.

Послао г. Петаръ Забрдацъ трг.

Честнѣйшій г. Јосифъ Дибрашевићъ на-
мѣстн. и парохъ. — Благор. г. Василиј Зделаръ
Ответникъ. — Чест. г. Божидаръ Димитриевићъ
парохъ В. Бастишкій. — Чест. г. Милошъ Ди-
митриевићъ парохъ Граовлянскій. — Пречест.

г. Константинъ Живковићъ Протосиггелъ Пакрач. Благопоштенор. г. Петаръ Забердацъ трг. — Пречестн. г. Петаръ Бирочъ Протопресвит. Даруварскій и Парохъ Ступовачкій. Чест. Конс. Пакрач. Сосѣдатель. — Благор. г. І. Райћъ ц. кр. Перовоѣа сл. уреда Поджупан. Пакрач. — Чест. г. Стефанъ Бакићъ Парохъ Суботскій и Чест. Еп. Конс. Сосѣдатель. Благораз. г. Никола Ракићъ Учитель Пакрачкій. — Чест. г. Іованъ Болићъ Помоѣ. Парох. Смудске. — Чест. Методъ Байћъ Игуманъ Пакре Манастира и Ч. Еп. Консист. Пакрач. Сосѣдатель. — Чест. Георгій Николићъ Парохъ Улѣаничкій. — 13.

Войводство Србиа и Тамишкій Банатъ.

Темишваръ.

Послао г. Аркадиѣ Поповићъ трг.

Пречестнѣйшій г. Самуилъ Маширевићъ Архимандритъ и Администраторъ Темишварске и Вршачке Епархїе — Чест. г. Атанасиѣ Таназевићъ градскій Баконъ. — Благородна господа: Симеонъ Дамаскинъ одъ Ниметъ. — Г. Стояковићъ Подпредсѣдатель Верхов. Суда. — Іованъ Шевићъ Членъ Земальскогъ Суда. — С. Маширевићъ Членъ Земаль. Суда. — Младенъ Стояновићъ срезскій Комесаръ. — Аронъ Предраговићъ Ассистентъ Финансиѣ. — Атанасій Николићъ Кнѣйговод. Врхов. Суда. — Благопоштенородни господари торговцы: Аркадиѣ Пеићъ. — Михаилъ Шевићъ. — Константинъ Николићъ. — Іованъ Поповићъ Кнѣйговод. — Дамаскинъ Милошевићъ Диурниста. — Благородна г. г. Дръ. П. Іовановићъ Инспекторъ Школа. — Іованъ Петровићъ Сенаторъ. — Дръ. Тома Стефановићъ Физикусъ. — Гжа Катарина Марковићъ за сынове Драголюба и Ми-

лана. — Благородна г. г. Петаръ Васићъ земаль. Адвок. — Матея Саввићъ Чиновникъ. — Петаръ Петровићъ земаль. Адвок. Василие Лонгиновићъ земаль. Адвок. — Константинъ Димитриевићъ земаль. Адвок. — Урошъ Дорићъ Подпоручикъ. — Никола Величко. — Јованъ Стояновићъ одъ Лацунатъ. — Димитрие П. Георгиевићъ. — Дина Трговацъ. — Иса Радосавъ. — Петаръ А. Стояновићъ. — Филипъ Вуя трг. — Тирилъ Ньягулъ Землѣмѣръ. — Никола Дракулићъ. — Антоние одъ Сорго. — Јованъ Стояновићъ Аксесиста. — Димитрие Ристићъ. — Атанасие Думићъ Чинов. — Гжа Мария Николићъ За кѣръ Милу. — Александеръ Ласкаръ трг. — Борђе Льона Казначей. Димитрие Аврамовићъ трг. — Господичне Елена Ристићъ и Марина Константинъ. — Благородна г. г. Стефанъ Сандићъ Консисториалный Фишкаль и Константинъ Ненадовићъ ц. кр. Поручикъ и Рачуновадитель. — 45.

Земунъ.

Благопоштенородный г. Стефанъ Спир. Андреєвићъ трговацъ 50.

Новый Садъ.

Благопоштенородни г. г. торговцы, Антоній Новаковићъ, Савва Субботићъ, Георгій Мирковићъ, Јованъ Малетићъ и Тока Косировићъ. г. Ђвта Медурићъ кроячъ, П. Класановићъ бывш. Нар. Поручикъ. — 7.

Рума.

Послао г. Димитрие Младеновићъ трговацъ.

Благопоштенородни г. г. торговцы: Георгій Младеновићъ. — Василий Младеновићъ. — Младенъ Младеновићъ. — Јованъ М. Максимовићъ. — Георгій І. Стерио. — Милошъ Ма-

тиѣъ. — Димитріе Младеновиѣъ. — Благор. г. Михайлъ Рогулиѣъ цкр. *Regierungs-Com.-Protokollist.* — Благораз. г. Іованъ Рогѣъ Учитель. — Госпоже Екатерина Ковиляцъ. Любѣца Крстиѣъ за сына Велимира. — 11.

Мишровица.

Благопоштенородный г. Павелъ Панаіотовиѣъ трговацъ 30.

Панчево.

Послао г. А. Іовановиѣъ Берб. и нар. Хирургъ.

Благородна г. г. Александеръ Бараѣвацъ С. Пачев. Магистр. Совѣтникъ. — Савва Думитровъ С. Панчев. Магист. Протоколиста. — Благопоштенородни г. г. трговцы: Аѣимъ Іовановиѣъ. — Аврамъ Шайковиѣъ. — Петаръ Верига. — Петаръ Кралъ изъ Идвора. — Василие Трпковиѣъ. — Савва Ђешинъ дрваръ. — Петко Д. Србиновиѣъ. — Теодоръ Поповиѣъ. — Никола Буковала. — Господична Ёлена Теодориѣъ. г. Александеръ Іовановиѣъ Берб. и нар. Хирургъ за супругу свою Рахилу (Лепосаву) Іовановиѣъ. — 14.

Послао г. Димитріе Стефановиѣъ трг. житарскій.

Честнѣишій г. Григоріе Петровиѣъ парохъ Новоселскій. — Благопоштенор. г. г. трговцы житарски: Димитріе Стефановиѣъ и Гаспаръ за сына Михаила. — Благопоштенородни г. г. трговцы: Зарня Милосавлѣвиѣъ изъ Самоша за сына Іована; Гая Марковиѣъ; Лука Ранисавлѣвиѣъ за сына Милана; Павле Вуйѣъ за сына Велизара; Янаѣъ Дука Пешика изъ Београда и Анастасъ Кранчевиѣъ. — Поштенород. г. г. Григоріе Субботиѣъ Стакларъ; Никола Васиљевиѣъ, абація за супругу Ёлену;

Іованъ Борђевићъ трг. за кћеръ Персиду; Павле Путникъ цкр. Лайтнантъ; Георгие А. Поповићъ за сына Іована; Стеванъ Іовановићъ трг. Новосельскій; Іосифъ Ягодићъ трг. житарскій; Петаръ Поповићъ трг. съ урађенимъ кожама; Димитр. Симићъ трг. изъ Београда. — 18.

Послао благород. г. цкр. Оберлайтнантъ Іованъ Завишићъ.

Честнѣйшій г. Василій Живковићъ парохъ Панчев. и Членъ Консисторіе Епарх. Темишварске. — Честн. г. Петръ Купусаровићъ парохъ Сакулскій. — Честн. г. г. Ђрођакони Панчевачки: Іосифъ Атанацковићъ и Савва Васићъ. — Госп. Василій Свирчевъ Стражмештеръ и Ађутантъ цкр. дома училишт. Благопоштенородни г. г. грађани Панчевач. Григорій Ламовићъ. — Никола Милошевъ и Михаилъ Недельковићъ Лебцелдеръ. Поштенор. г. Яковъ Барбулъ Стояновићъ арендаторъ Дебелячкій. — Поштенор. г. г. Майстори Сапунцие: Тома Войновићъ и Петаръ Ягодићъ. — Поштенор. г. г. Майстори Кроячи: Дамянъ Димићъ. — Александеръ Крняцъ за сына Георгия. — Петаръ Ранисавлѣвићъ за сына Димитрия. — Благопоштенор. г. г. трговцы: Андрея Радосавлѣвићъ и Ааронъ Моићъ. — Поштенород. г. г. Іованъ Топаловъ Крояч. майст. — Петаръ Пеићъ абация. — Анђелко Петровићъ землѣдѣл. — Благородна г. г. Георгие Іовановићъ цкр. Оберлайтнант. и Ђфремъ Арсинъ цкр. капетанъ. — 22.

Меленцы.

Благопоштенородни г. г. трговцы: Іосифъ Клаићъ. — Александер Ранковићъ и Арсение Гранићъ. — 3.

Тишель.

Благопоштенородни г. г. торговцы: Павле Натошевићъ изъ Сланкамена. — Михаилъ Крестићъ изъ Титела. — Лазаръ Бугарскій Арендаторъ превоза Тителскогъ и Марко Јовановићъ изъ Панчева. — 4.

Сомборъ.

Послао честнѣйш. г. Георгій К. Стефановићъ Ёрей.

Высокородный Исидоръ Николићъ одъ Србобрана и пр. Плем. Гжа. Елена Стойковићъ рођ. Мразовићъ за сына Исидора I. лат. Грам. Слушателя. — Гжа. Юлиана Арнаутъ любителька читаня за кѣрь господичну Юлиану. — Госпођица Мария Риђичкій за малогъ сестрића Младена Вировацъ.

Пречест. г. г. Димитрій Поповићъ Парохъ Сомборскій Ч. К. Беч. Присѣдатель и Протопресвит. Сомб. Намѣстникъ. — Аврамъ Борђошкій Парохъ Станич. и Ч. К. Присѣдатель за сына Младена. — Чест. г. Данилъ Поповићъ парохъ Сомб. — Георгій Кояновъ Стефановићъ выш. основ. училишта Србскогъ Катихета, Недель. и празд. Училишта Учитель и Слав. Общества Србскогъ Дѣловодитель за кѣрь малу Софию Владимиру. Василий Ковачићъ пар. Баконъ Сомб. за сына Луку.

Плем. г. г. Трифонъ Атанацковићъ Окруж. Бачкогъ Суда Присѣдатель за сына Георгия. — Петаръ Арадскій вар. землѣмѣръ. — Георгій Кулянчићъ Адвок. — Сима Леовићъ варош. Егзакторъ. — Николай Стоячковићъ Присѣд. Бачк. Окр. Суда. — Василий Коларићъ и Ђорђе Кировићъ Варош. Сомб. Писари. — Николай Ђ. Вукаћевићъ Правд. и Богословие Слушатель.

Благоштенородни г. г. торговцы: Димитрій Поповићъ. — Јосифъ Матићъ. — Евтимій По-

повиѣ за сына Александра Георгій Гергуръ. — Исакъ Гергуръ за сына Владислава. — Симеонъ Бикарь. — Павелъ Станимировиѣ. — Урошъ Радоевиѣ. — Іованъ П. Коньовиѣ за сестру госпођицу Юстину. — 25.

Бечкерекъ.

Благород. г. Стефанъ Вуковъ Адвок. 10.
Благопоштен. г. Георгие Янковиѣ трг. 5.

Велика Кикинда.

Скупно Благораз. Г. Кузманъ Мацаревъ Учитель, а послао Благород. г. Г. Станковиѣ Окр. Сенаторъ.

Пречестн. г. Павле Влаховиѣ протопресв. — Благород. Г. Г. Георгій Станковиѣ Окр. Сенаторъ, Василий Ристо вар. Началникъ, Ёвта Крстоносиѣ вар. Бележ. Павле Недиѣ сирот. новца руководитель, Павле одъ Стаяновиѣ М. школ. фонда дѣловод, Іованъ Павловиѣ изъ Карлова Окр. Права Закупникъ. Поштенород. г. Павле Степинъ Землѣдѣлацъ, и ревностный књижев. *) Госпођица Софиа Лаковиѣ ревностна књижев. Гђа Милица Лаковиѣ ревностна књижев. **) Благород. Младенъ Мацаревиѣ Окруж. Одправн. и Г. Лазо Кириѣ одъ Szabadszela пѣвчикъ при правосл. Цркви Св. Николая. — 12.

Госпиѣ (у Хорватской).

Послао г. Михаилъ Делиѣ трг.

Благородна г. г. Гедеонъ одъ Будисавлѣвиѣ ц. кр. Капетанъ. — Георгие Скариѣ ц. кр. Капетанъ у пенсіи. — Никола Тербоевиѣ ц. кр. Капетанъ у пенсіи. Благопоштенородни

*) Живио ! — **) Живиле ! —

г. г. трг. Николай Ристовићъ. — Савва Миодраговићъ и Исо Медаковићъ. — 6.

Вршацъ.

Благор. г. Симеонъ Бакићъ II. классе Учитель 10.

Лоцково.

Благор. г. Василиѣ Константиновићъ Учитель. 10.

Княжество Сербия.

Београдъ.

Благородный и Высокоуч. г. Константинъ Бранковићъ Проф. Философіе. — Благородный г. Миланъ Даниловићъ, Поручикъ Кавалеръ и Княжескій Ађутантъ. — 2.

Шабачъ.

Послао Пречестнѣйшій г. I. Павловићъ Протопресвитеръ и членъ Апелаториума.

Нѣгово Высокопреосвященство. Г. Іоаникій Нешковићъ Еписк. Шабачк. 2. кнѣ. Пречест. г. Протопресвитеръ Шабачк. и Чес. Ап. Конс. Іоанъ Павловићъ. — Николай Пауновићъ Член. Конс. Епарх. Шаб. — Чест. г. г. Янко Іоанновићъ Свешт. и катихета Полугим. Шаб. — Гавріилъ Берићъ парохъ Богатићкій. — Филипъ Берићъ пар. Белотићкій. — Андрей Симићъ пар. Глушачкій. — Григорій Вићентиѣвићъ пар. Змійнячкій. — Алумпій Гавріиловићъ пар. Табановачкій. — Станойло Јокићъ пар. Дреновачкій. — Іоаннъ Стефановићъ пар. Ноћайскій. — Петаръ Богдановићъ пар. Засавичкій. — Стефанъ Лаушевићъ пар. Раваньскій — Райко Вучетићъ пар. Црнобарскій. — Стоянъ Фрайтовићъ пар. Солячкій. — Живко Берићъ пар. Глоговачкій. —

Николай Поповић пар. Бадовиначкй. — Сава Давидовић пар. Лѣшничкй — Любинко Вуянић пар. Липолишкй. — Николай Васић пар. Бѣло-Рѣчкй. — Аѣимъ Симеоновић пар. Добрићкй. — Єремія Лазаревић пар. Варнянскй. — Макевія Дамяновић пар. Метлићкй. — Любинко Поповић пар. Лояничкй. — Василіе Николаєвић пар. Кривайскй. — Коста Бабовић пар. Коцелѣвачкй. — Аѣимъ Бабовић пар. Црнилѣвскй. — Благ. г. г. Ђорђе І. Павловић Писаръ. Среза Подцерскогъ. — Марко Іойковић Учитель Добрићкй. — Павле Мародић Учит. Радовашничкй. — Лазаръ Станковић учит. Накучаискй. — Господаръ Марко Милићевић трг. Шабач. — Стефанъ и Ђорђе Милићевић трг. Шабач. — Владимиръ І. Тркић трг. Шабач. 35

 Сви они, кои І^{ву} свезску Федора и Мариє имаю, а П^е добили нису, нека се изволе писмено обрати на мене.

Такође є и *Космайка* на светъ изишла и добити се може по 40. кр. ср.

Предплата на *Чича Томину Колебу* донде ће трајати, док' последня свезка изъ печатнѣ не изиђе.

Цена є за оног', кои се на сви 6 свезски пренумерира и напредъ новце положи са свимъ умерена, и то не више одъ 2 фор. ср. За оног', кои се пренумерирао буде, или на сви 6 свезски скупа, или на поєдине, а новце после положи 2 фор. 30 кр. ср. а за оног', кои буде дѣло ово позднїе куповао, а пренумерирао се ни є, 3 фор. ср. — Цѣло дѣло быће велико одъ 40 до 42 печатана табака. Тако дакле свака свезска имаће 7. печатаны' табака' и за оног', кои се пренумерирао буде и новце напредъ положи, стаће га свака свезска само 20 кр. ср. — Дѣло се ово на лепой артїи, съ угледным' слов'ма овде у Бечу печата. — Пренумерация трає док' годъ цѣло дѣло на свѣтъ не изађе.

Свакій родолюбивый Србинъ може скупитель быти, кои ће за трудъ свой єданайсту кнѣгу, као награду добити, а нарочно ону госпoду молимъ на кое самъ се већъ обратїи: да бы часъ пре имена нѣновы пренумеранта' съ означенїемъ, — кои су напредъ новце положили, кои пакъ не, — мени овамо у Бечъ подъ надписомъ моимъ:

MILAN D. RAŠIĆ,

Rechtsgelehrter

in Wien,

Landstrasse, am Glacis Nr. 500, 4. Stiege, 1. Stock,

послати изволелн.

У Княжеству Србїи пакъ изволиће се ГГ. Скупительнїи обраћати Благород. и Высокоученом' Г. Константину Бранковићу Профессору Философїе у Лицеуму Княж. србског'.

Надаюћи се многобройным' предплатницима на овако славно дѣло; трудићу се, да повѣренъ дичног' народа србског оправдамъ, и єсамъ,

У Бечу 15. Марта 1853 год.

ня услуги свагда готовъ,

Миланъ Д. Рашићъ.

Оне, кои се иренумерали нису сшаѣ
свака свезска 30 кр. ср. Сви 6 свезски
3 фор. сребра.

Израђено у књиговезници
ДРАГ. М. ПЕТКОВИЋА
БЕОГРАД VI. Адм. Вулачева 88

